

Книга повествует
о жизни рядового участника
XX века, русского сельского кузнеца
Шерстюка Александра Петровича
(1902-1993) на основе оставленных
им «Записок» и личных впечатлений
авторов.

Написана, с трепетной любовью
к отцу, дочерью Марией (1934 г.р.),
дополнена старшей дочерью
Анастасией (1929 г.р.), бывшими
учителями, с приложением стихов
сына Александра (1941 г.р.), члена
Союза писателей России.

Москва
Издательство «Знание»
2011

ПЕТРОВИЧ

МАРИЯ ШЕРСТЮК

Мария Шерстюк
ПЕТРОВИЧ

*Очарованный
жизнью*

Сказ об отце

Мне не хочется умереть бесследно.

А. П. Шерстюк. «Записки»

Мария Шерстюк. Петрович. *Очарованный жизнью.*
Сказ об отце. М.: Знание, 2011. 20 экз. 118 с.

Книга повествует о жизни рядового участника XX века, русского сельского кузнеца Шерстюка Александра Петровича (1902-1993) на основе оставленных им «Записок» и личных впечатлений авторов.

Написана, с трепетной любовью к отцу, дочерью Марией (1934 г.р.), дополнена старшей дочерью Анастасией (1929 г.р.), бывшими учителями, с приложением стихов сына Александра (1941 г.р.), члена Союза писателей России.

Предисловие

Самый уважаемый человек на селе. Скромнейший из скромных. Честнейший из честных. Добрейший из добрых. Совестьливый и порядочный. И млад и стар его называли Петровичем.

Это наш Отец.

Он был крестьянином и сельским кузнецом. В десять лет он закончил два класса церковно-приходской школы, и на этом его образование остановилось. Но отец от природы был человеком весьма одарённым. Я уж не говорю о том, что он был талантливейшим кузнецом, от Бога. Он прекрасно говорил и рассказывал, в застолье грамотно пел народные песни своим мягким тенором, при малейшей возможности любил и покупал красивые вещи, удивлялся и восхищался всем новым, всегда выписывал газету «Известия» и следил за происходящими событиями, узнавал выдающихся людей на экране телевизора.

Папа по-своему понимал жизнь. К примеру, он хотел после своей смерти оставить у потомков о себе память: сделал клеймо и выбивал свою фамилию на своих кузнечных изделиях. С такой меткой у Вовы осталась моя тяпочка, а само клеймо хранится у брата Александра.

У нашего отца была тяга ко всему необычному. В восемь-

Село Брян-Кустичи

десять лет он описал свою жизнь, время и события, свидетелем которых он был сам. Читая и перечитывая его записки, я предаюсь нежным чувствам благодарности не только моему незабвенному отцу за его труд, но и брату Александру, сподвигнувшему его на это.

Этому ли не удивляться? Кто из сельских мужиков додумался до такого? Он подарил нам яркое и эмоциональное жизнеописание, которое органично вливается в летопись народной жизни, наполненную драматическими событиями, о которых упоминает отец: это и революция, и гражданская война, и нэп, и коллективизация, и военные дороги от Клинцов до Штутгарта, и рабский труд в колхозах...

Папа многое знал и убедительно рассказал о пережитом.

Как-то он мне говорит: «Я тут кое-что написал, но всё охватить не смог...».

Я, дорогой папочка, постараюсь в меру моих возможностей договорить то, о чём ты не сумел сказать. В моей памяти отложились многие картины довоенного детства, а рассказы мамы и сестры помогут мне оживить некоторые страницы твоих воспоминаний.

Папа заслужил того, чтобы о нём помнили и отвели ему почётное место на древе нашей родословной. Наша родословная – это наша общая судьба. Пусть же крона этого древа будет вечнозелёной.

Корни нашего родословного древа уходят в село Брянновы Кустичи, что в полутора десятках километров от Унечи в сторону Клинцов.

Если бы я имела силы и возможности обратиться к архивам, чтобы заняться поисками сведений о родном селе, я бы, верно, смогла многое о нём рассказать. Но мне удалось прочесть в Интернете лишь небольшую историческую справку краеведа, в которой он не делает экскурса в историю и не касается времени появления на карте нашего села.

Вот что он пишет:

«Село Брян-Кустичи расположено на равнинной местности юго-западной части Унечского района Брянской области. Своё название оно получило от слова «кустичи», что означает «пригорки». Через село протекает неглубокая речонка – приток реки Жданки».

И далее он пишет об успехах колхоза «Пятилетка» и его председателях. Но меня интересует то время, когда жили там мои предки. И в этом смысле папины заметки для меня более ценны.

Папа рассказывал, что в 20-х годах село Брян-Кустичи насчитывало более двухсот дворов, в центре села стояла церковь, а в прудах водилась рыба.

Крестьяне жили очень бедно, избы у всех были жалкие, низкие, покрытые соломой, неплодородные земли урожай давали скудный, и многие кустанцы уходили в отходничество в Унечу или на Кубань, чтобы заработать на кусок хлеба.

Бурные исторические события двадцатого века: первая мировая война, революция, жестокая гражданская война, нэп, коллективизация и индустриализация страны, вторая мировая и послевоенная разруха – всё это, да и не только это, прямо

или косвенно коснулось моей родины – села Брян-Кустичи. В своих записках отец охотно о них рассказывает и даёт им свою оценку.

В настоящее время село живёт обычной жизнью российской глубинки. В 2004 году мы – Анастасия, я, Вова и Шурик – побывали на родине наших предков. В моём альбоме есть несколько фотографий: на кладбище у могилы нашего дедушки, которую мы определили по кресту, выкованному папой, здесь же рядом могилы дядьки Павла, двоюродной сестры Ольги. Других могил наших предков мы не нашли, а показать их было некому.

Мы побывали на улице, где жили наши деды, папа и семья Павла, называемой до сих пор Ковалёвкой, там ещё стоит уже перестроенный кем-то папин дом, который он продал за гроши, уезжая в голодные тридцатые годы из родного села.

Но вот ландшафт села очень изменился. Тася с грустью говорит: «Куда подевались пригорки, пятачок, где вечерами плясала и пела молодёжь, заросли сирени и жасмина... теперь вот асфальт, домики под шифером, заборы и машины у ворот или за ними...».

Мы постояли на мостике через речонку, посидели у пруда, где наша Настенька полоскала до войны бельё с двоюродной сестрой Наташей, прочитали на памятнике-стеле фамилии земляков, сложивших головы в войне с фашистами, походили по улицам, поговорили с людьми...

С грустным настроением мы уехали в Стародуб.

Прадед Пётр

Я знаю о нём очень мало, и то со слов отца. Вот что пишет о нём папа:

«...Говорили, что дед мой был горбатым. Звали его Пет-

ром и жил он в Брян-Кустичах. В каком году он покинул село, мне неизвестно».

Можно предположить, что прадед родился около 1833-35 годов, так как единственный сын его, наш дед, женился в 1885 году, ему было 22-23 года.

Значит, дед наш родился приблизительно в 1862-63 годах, когда прадеду было не более тридцати лет. Прадед Пётр умер в возрасте (опять же приблизительно) 73-74 лет, когда его младшему внуку, нашему отцу, было всего 3 года, это 1905 год. Вот такая предположительная хронология.

Наш прадед, как говорил папа, был малосемейным, и он не знает, были ли у него ещё дети, кроме его отца Петра. Зато папа из рассказов своих родителей твёрдо усвоил, что прадед Пётр в молодости покинул село, переселился в город Стародуб и возглавлял там бригаду рабочих по строительству булыжных дорог. Сколько он прожил лет в Стародубе, о том можно лишь догадываться, – известно, что старший внук его Павел, папин брат, родился в Стародубе в 1886 году. Вскоре после этого прадед со своей семьёй возвратился в Кустичи.

Наш дед Пётр Петрович

Прадед, как видно, не любил работать на земле или не мог из-за увечья, поэтому своего единственного сына Петра он решил выучить кузнечному ремеслу. Когда Петру исполнилось 15 лет, он отдал его в учение к старообрядцам в село Лужки на семь лет. Как и заведено тогда было в России, такой «учень» должен был два года работать по хозяйству и лишь потом учиться профессии, почти как у Чехова в рассказе «Ванька Жуков».

Живя в городе, наш дед Пётр Петрович женился на стародубской девушке из мещанской семьи, по имени Домна Афанасьевна Другова. Отец подчёркивает, что она жила на окраи-

не города, по улице Рубцовка.

...Я помню, как наша мама волновалась, когда отец, бывая в Стародубе, навещал каких-то Друговых на Рубцовке. И теперь я горюю: почему я не расспросила его о тех Друговых, они ведь были потомками нашей бабушки, это совершенно очевидно, коль отец стремился поддерживать с ними отношения. Моя одноклассница Полина Кузюро, работавшая учительницей в стародубской Ленинской школе, в которой учились дети того микрорайона, говорила мне, что у неё в классе были дети с фамилией Друговы... Упущено время, совершены непростибельные ошибки...

Так вот... наша бабушка происходила из стародубских рубцовских мещан. В Стародубе родился у дедушки Петра Петровича и бабушки Домны Афанасьевны первенец Павел в 1886 году – старший брат нашего отца.

Когда до Брян-Кустич дошли слухи о том, что горбатый Петрок выучил сына кузнечному делу, кустенцы послали к ним гонцов с предложением переселиться на родину. Из земельного фонда жители Кустич выделили для них два с половиной надела земли, это более трёх гектаров. Прадед к тому времени уже постарел, дед должен был кормить свою семью, и горбатый прадед дал согласие на переезд в Кустичи. Вероятно, это произошло в конце 90-х годов.

Прадед был хорошим хозяином. Он построил в Кустичах приличную хату, на дубовых кольях поставил крепкую изгородь и посадил сад. Папа пишет, что «сад давал много «фрукты»: слив, груш, яблок». Подспорьем была и земля. Правда, пахали её наёмники, так как своих лошадей не было, поэтому доход от неё был малый. Но как бы там ни было, а с горбатым прадедом семья жила по тем временам неплохо. Дед Пётр Петрович работал в кузнице, сын его Павел осваивал кузнечное дело под руководством своего батьки, а между тем Домна рожала детей одного за другим.

«Мать родила шестерых детей. Два хлопчика умерли, остались нас четверо – Павел, Феодосья, Проня и я», – пишет папа. Выходит, он был последним, 1902 года рождения. Папа замечает также, что «батька мой часто бил мать, и жестоко... пока я подрос и стал её защитником».

Был ещё один недостаток у нашего деда. Он любил выпить. Вокруг него всегда вертелось много «друзей», готовых пропить заработанный им рубль. *«Заботы о детях у него не было, поэтому мы голодали, – пишет папа, – и часто покупали грязные куски хлеба у нищих»*, это было примерно в 1910 году. К этому времени прадед умер, когда папе было три годика, и жизнь семьи очень ухудшилась.

Папа даёт оценку своему батьке – кузнецу:

«Заработки в кузнице были ничтожными. Крестьяне жили бедно, и к кузнецу обращались только по большой нужде. В повозке всего-то и было железа, что ось, на которую надевались колёса, да шкворень, но колесо не оковывалось, обруча на нём не было. Когда же пошли в ход плуги, то Пётр Петрович не мог их делать, так как отковать и правильно посадить лемех – эта работа требует определённого мастерства, коим мой батька не владел».

Но позже, когда братья Павел и Александр овладели кузнечным делом и превзошли в нём своего отца, отношение к кузнецам изменилось. Они стали пользоваться большим авторитетом на селе. Их труд высоко ценился и хорошо оплачивался. Промышленных товаров, необходимых в хозяйстве, крестьянин по бедности купить не мог, поэтому ему приходилось пользоваться трудом кузнеца. Отсюда и приличная плата за кузнечную работу, и уважение к личности кузнеца возрастали с каждым годом.

...Я вспоминаю кузницу, в которой работал папа до войны. Это постройка в виде сарая с земляным полом, где интерьер

прост и примитивен. В центре стоит наковальня, укрепленная на толстой колоде, скорее всего из вяза или дуба, рядом с ней бак с холодной водой, а позади «горно», к которому приделаны мехи для нагнетания воздуха, необходимого для раздувания белого пламени, в которое папа бросает металл, чтобы раскалить его и выковать из него что-то на наковальне.

Именно на наковальне ведётся ручнаяковка изделия. Вот папа выхватывает клещами раскалённый добела металл, бросает его на наковальню и мелкими танцами своего небольшого молотка направляет удары молотобойца, бьющего из-за плеча со всего размаху по заготовке. В бак с холодной водой папа периодически опускает поковку для закаливания и клещи для охлаждения. У стены – верстак для сверления и резьбы, рядом – точильный камень в виде круга, над ним полка для мелкого инструмента, – вот и весь интерьер папиной кузницы.

Но там кипит трудовой процесс: там горит горн, там стучат молотки, выковывающие подковы для лошадей, лемехи для плугов, обручи для колёс и бочек, топоры и ножи, тяпки и грабли, лопаты и вилы, серпы и оси для телег, дверные ручки и замки, ухваты для хозяйки, печки-буржуйки и трубы к ним, в общем, не было предмета из металла, с просьбой изготовить который не обращался бы крестьянин к кузнецу.

Отец вспоминает, что кузнец в пору его молодости в день зарабатывал 16-18 рублей, а плотник за это же время – 3-4 рубля. Какие по стоимости были эти деньги – говорят об этом цены: хромовые сапоги стоили 21 рубль, пуд пшеничной муки – 2 рубля 50 копеек. Это были двадцатые годы.

...Дед Пётр Петрович был «слабеньким кузнецом», но для деревни того времени с примитивным натуральным хозяйством он оставался уважаемым человеком. С малых лет его сыновья, Павел и наш отец, учились кузнечному ремеслу у своего отца, и в этом они превзошли своего учителя.

Павел

Старший брат отца Павел родился в 1886 году в Стародубе на окраине, именуемой Рубцовка. Когда их семья переехала в Брян-Кустичи и Павел подросток, он постепенно стал помогать своему отцу, нашему деду Петру, в кузнице и приучаться работать с металлом, но он ещё ездил и на Кубань на заработки, да и не один раз. *«Жизнь семьи стала улучшаться за счёт помощи брата»*, – читаем в записках папы.

Тогда, это было в самом начале 20-го века, основное население Брян-Кустич и окрестных сёл составляла безлошадная малоземельная беднота. Отец об этом пишет так:

«Вся беднота нашего села ждала весну. Земли у таких мало, нет коня, он покидает жену, детей и поехал зарабатывать деньги. А землю пахут то ли сродствие, то ли соседи по договоренности. За летний сезон до ноября месяца мужики зарабатывают по 80-100 рублей, на которые покупают одежду, дрова и прочее, а зиму отдыхают, пришёл апрель – они опять поехали».

В 1915 году из Курской губернии приехали вербовщики, которые приглашали девушек и парней на работу в «экономию Юсупова», где они должны были от посева до уборки работать на сахарной свёкле. Папины сёстры Проня и Феодосья ездили туда тоже и зарабатывали «золотые монеты», которые они отдавали отцу, что помогло ему построить новую хату. В ней была первая свадьба папы.

Ещё в 1911 году Павел женился. Папе было тогда только девять лет. Жену он привёз из соседней деревни Займище. Звали её Татьяной, но семейная жизнь Павла началась несчастливо. Его судили за воровство. Он и двое других поделщиков залезли в амбар к односельчанину и украли полотна и шубы, за что все они получили по три года заключения. Павел отсидел в Смоленской тюрьме весь срок и вернулся в 14-м году домой

хорошо одетым. Папу удивили галоши на сапогах. Молодая жена Павла Татьяна в это время жила в семье свёкра – нашего деда.

Я хорошо её помню. Нельзя не сказать о ней добрых слов.

Она была удивительной женщиной. Неграмотная, не умеющая ни читать, ни писать, она обладала феноменальной памятью и практической житейской мудростью. Всегда рассудит, даст дельный совет, помирят поссорившихся, примет гостей, положит в сумку даров из сада и огорода, проводит до калитки...

Татьяна Семёновна справлялась со своим многочисленным хозяйством: коровами, свиньями, стадами кур и уток, стаями голубей. Я помню её вечно стоящей у примуса, шумевшего в маленьком коридоре, и над нею гудел рой мух, ныряющих в кипящие щи или в суп с голубиным мясом.

Она знала родственников нескольких поколений, рассказывала охотно о них с ярчайшими подробностями, о которых не мог бы вспомнить любой из нас. Её речь была певучей и плавной, а светлокариые глаза задумчивыми и грустными.

Татьяна Семёновна крестила меня и Настю. Дожила она до глубокой старости и умерла на Ростовской земле, куда с дочками уехала доживать отпущенные Богом годы. Ей было 93 года.

Так вот, в 1914 году после отсидки в тюрьме Павел с Татьяной уехали на Кубань на заработки, но они не прожили там и лета, как грянула первая мировая война, и дядьку забрали на австрийский фронт. Вернулся он в Брян-Кустичи в 1917 году после революции. Он тут же приступил к работе в кузнице и вскоре отделился от отцовской семьи, построил себе неплохую по тем временам хату и стал жить с Татьяной самостоятельно.

...Дядька Павел человеком был добрым, но очень замкнутым. У него было две страсти: пчёлы и голуби. За домом в саду стояли ульи – около двадцати и более. Он умел за ними

ухаживать, у него всегда стояли в «клетки» полные бочки с мёдом, но он мало его продавал, больше угощал им многочисленных гостей и раздавал этот мёд бидонами друзьям и родственникам.

Дядька Павел временами страдал от запоев. Не берёт в рот спиртного три и даже шесть месяцев, а потом уходит в запой на несколько дней, становясь агрессивным и болтливым. Татьяна Семёновна пряталась от него у соседней, а дядька искал её и кричал: «Убью! Убью»... Но приступ заканчивался, и Павел, нахлобучив картуз на глаза, стыдясь своего пьянства, без завтрака уходил в кузню...

Павел любил нашего отца. Обычно папа с мамой ездили в гости в Кустичи в престольные праздники – не помню, на Покрова или на Дмитрия. И тогда там лилась рекой водка, «кричали» песни и стояло шумное веселье. Татьяна стряпала на всю сидящую за столом компанию, подавала, убирала, мыла – и так в течение всех праздников из года в год.

...Когда папа воевал на фронте в Отечественную и было голодно, дядька привёз на лошади нам несколько мешков муки – тихо, незаметно...

Павел до конца своей жизни работал кузнецом, умер он ещё не старым от рака в 1953 году, ему было только 67. Папа очень переживал и сокрушался по единственному и любимому брату, что очень отразилось на его здоровье: у него опять открылась язва двенадцатиперстной кишки.

Более подробно я рассказала о Павле Петровиче в своей первой книге «Жизнь моя, или ты приснилась мне?».

Двадцатые годы

В 1917 году папе было только 15 лет. Мог ли сельский подросток из глубинки с двумя классами образования церковно-

приходской школы понять и оценить события, происходящие в стране, которые изменили карту мира? Это только потом, став взрослым, он по-своему их поймёт и в своих записках напомним нам о них, увязывая со своей жизнью.

Читаем:

«1917 год. Царя нет. Временное правительство. Пришёл брат с войны. Брестский мир».

За этими короткими фразами – трагическая история нашего Отечества. Чтобы было понятно, я лишь кратко коснусь тех событий, которые изменили жизнь села Брян-Кустичи.

В первой мировой войне Россия, в союзе с Англией и Францией, воевала против Германии, что привело к хозяйственному и политическому кризису и в конечном итоге – к революции, в ходе которой царь отрёкся от престола, и власть перешла к Временному правительству. Но Временное правительство не улучшило положения в стране, продолжая вести войну. Большевики во главе с Лениным, используя социальное недовольство и ведя разрушительную агитацию под внешне привлекательными лозунгами: «земля – крестьянам, мир – народам, хлеб – голодным» и ещё одним, менее пропагандистским, но точно осуществлённым – перевести «империалистическую» войну в гражданскую, совершили переворот – свергли Временное правительство и установили свою диктатуру.

В марте 1918 года Россия выходит из войны, заключив с Германией сепаратный Брестский мир, согласившись на унижительные грабительские условия, предложенные Германией. Вот что нужно понимать за короткими фразами папы.

И как эти события коснулись Брян-Кустич? Напрямую.

По Брестскому миру к Германии отошла огромная территория России, так что граница между Россией и теперь уже оккупированными землями проходила через унечские сёла: Лыщичи, Робчик, Брян-Кустичи и другие.

Читаем у папы:

«В 1918 году наше село оккупировали немцы. Дальше они не пошли. На Унече Щорс собрал из добровольцев Богунский полк, в который вступили и молодые парни из Брян-Кустич».

Папа рассказывает об одном трагическом случае.

«В одну из ночей в Брян-Кустичи пришли партизаны из Найтоповичей, они «потрясли» немцев, но сами потеряли четверых человек: одному снарядом снесло голову, двоих расстреляли, а четвёртого выдал немцам предатель, мужик. Он указал траншею, где лежал раненый – командир взвода. Немцы ему выкололи глаза и убили. Я присутствовал, когда кустеницы их хоронили».

Так что и тогда лилась кровь в нашем селе.

В ноябре 1918 года в Германии произошла революция, а вместе с ней и полное поражение Германии в первой мировой войне. Немцы бежали с оккупированных территорий. Брестский мир был аннулирован Лениным. Но в России начинается гражданская война, затянувшаяся на все четыре года.

Затронули ли эти события село Брян-Кустичи и жизнь Петровича? Посмотрим, как об этом времени рассказывает он сам, когда в то смутное время весь его интерес и энергия были отданы любимому делу – работе в кузнице со своим отцом.

«Хотя я возрастом ещё не созрел, но физически был силен. В 16 лет я работал на горне, а в 17 стал работать самостоятельно».

К этому времени вернулся с войны брат папы Павел, он активно приступил к работе в кузнице. Кустичские кузнецы на всю округу славились как лучшие мастера своего дела, и улица, где они жили, называлась Ковалёвкой, что интересно: до сих пор, несмотря на официально присвоенное ей название Красногвардейской, народ величает её по-прежнему Ковалёвкой – вот она, живая память о наших предках...

Начавшаяся гражданская война и хозяйственная разруха в стране коснулись и Брян-Кустич. Молодое мужское население было мобилизовано в Красную Армию. Уже был отправлен на фронт 1901-й год. Папин 1902-й призвали на военную подготовку. Обучение происходило в Сураже.

Папа вспоминает:

«Гоняли нас по снегу что зайцев, а кормёжка – миска постного супа – доньшко видно, нам-то, кто был из близлежащих сёл, родные привозили сало и хлеб, а те, кто издалека, по воскресеньям шли просить милостыню, и им подавали. ... После полуторамесячной военной подготовки нас должны были отправить на фронт, но война закончилась, интервенты были изгнаны, и мы разбежались по домам».

Папа не указывает дату этих событий, более того, он ошибочно связывает окончание гражданской войны с Брестским миром, но Брестский мир заключён был в 1918 году, а папе тогда исполнилось только 16 лет. Я думаю, что папа на учениях в Сураже был в 22-м году.

В годы гражданской войны в стране проводилась политика «военного коммунизма», и одной из её мер было введение «продразвёрстки», по которой созданные из рабочих продотряды насильно изымали у крестьян продовольствие. Конечно, эта была вынужденная мера, ведь большие города и армия голодали. Папа пишет, что в Брян-Кустичах продотряды вели себя лояльно: крестьян обязывали сдавать зерно, но подчистую его не выгребали, каждый двор сдавал столько, сколько мог, а продотрядовцы *«пили, гуляли да девушек целовали... кустенцы же пахали, сеяли, резали свиней, гнали самогон, так что крестьяне особых трудностей от продразвёрстки не испытывали».*

Брян-Кустичи не страдали от репрессивных мер, которые были введены на территории всей страны.

НЭП. Первая женитьба папы

НЭП – это новая экономическая политика, которая была введена в стране после окончания гражданской войны. Суть её состояла в том, чтобы дать возможность частным предпринимателям развивать торговлю, арендовать и обрабатывать землю, открывать мелкие промышленные предприятия. Другого пути выйти стране из разрухи не было, поэтому правительство Ленина пошло на такой решительный шаг – шаг назад, как писали тогда в учебниках по истории, – то есть к капитализму.

Папа не даёт оценку нэпу, он далёк от политики, но о результатах её пишет с интересом, а в беседах со мной о тех временах отзывается восторженно:

«Народ был рад. Бедному крестьянину оказывалась помощь, ему давали в кредит сельскохозяйственную технику, был образован земельный фонд, из которого бедняки наделялись землёй. Некоторые выезжали и селились на посёлках, где они получали землю по количеству душ в семье.

За три года крестьяне вырастили много скота. На посёлках каждый двор имел две-три коровы, несколько лошадей, в сараях сидели кабаны, по двору гуляли стада домашней птицы. На полях сеяли много проса и гречки. Крестьяне везли на рынок масло, мясо и сало, муку и крупу. В общем, новая экономическая политика дала крестьянину свободный труд и свободную жизнь».

Далее отец рассказывает, как наполнились прилавки магазинов промышленными товарами:

«Появилось изобилие колбасных изделий, селёдка «колдочка» по 30 копеек за килограмм, мука, крупа, мануфактура разных сортов, кожи для хромовых сапог и весь «подряд» к ним, в общем, была настоящая жизнь, между людьми крепла дружба и взаимопомощь... село жило весело, шумно. Вечерами в выходные дни и праздники

играли гармони, молодёжь пела и плясала, устраивались пьянки...».

Деревня возрождалась... Это были годы после окончания гражданской войны.

В Кустичах было много кустарей: плотников, столяров, портных, сапожников. Они обслуживали не только население своего села, но и соседних. Однако самыми авторитетными на всю округу были кустичские кузнецы – братья Павел и наш отец. Труд кузнецов тогда был очень востребован.

Правда, папа осуждает Павла за его неразумный образ жизни. У себя в доме он устраивал постоянные гулянки с друзьями, кумовьями, клиентами. Съедались бочки мёда, туши кабанов, лилась рекой водка. Папа был более сдержан. Он работал много и без усталости.

Клиентура везла заказы на кузнечные изделия со всех окрестных сёл, так что приходилось работать до позднего вечера и даже ночью. *«Самым авторитетным человеком на селе был тогда кузнец, – пишет папа. – Я превосходил брата Павла в своём мастерстве».*

И тут я не могу не сказать похвального слова профессии кузнеца, которой владел мой дед, отец и его брат Павел.

Кто такой Кузнец? Это человек сильный, стойкий, надёжный, уважаемый, авторитетный, который управляется с раскалённым огненным металлом.

Придя в кузницу на работу, он надевает фартук, разжигает горн, подбрасывая в него уголёк, тянет вверх-вниз рычаг мехов, раздувая пламя воздухом, и бросает в белый огонь кусок металла. Он сначала покраснеет, потом станет белым, как огонь, и тогда мастер выхватывает клещами эту раскалённую болванку и бросает её на наковальню... и пошло-поехало!

Молотобоец* уже заносит пудовый молот... и – бах! А в ответ молоточек кузнеца: «Дзинь!»

– Дзинь!

– Бах!

– Дзинь!

– Бах!

Идёт в соревновательном ритмековка! Стучат, поют, гудят, пляшут молотки, разлетаются во все стороны устрашающие искры, пышет жаром горн, стальной дух наполняет кузницу...

Почерневший металл летит сначала в бак с водой, а затем в весёлое пламя горна, чтобы вернуть себе сияние огня...

И опять идётковка, и на наковальне вырисовывается контур изделия, будь то лемех для плужка, ось для телеги или серп для жницы...

Вот кто такой кузнец! Колдун, играющий с огнём. Недаром же мифы прославили кузнеца: это и Вулкан, и Сварог, и Гефест, приковавший к скале Прометея, это и тульский Левша, подковавший блоху...

Уважение к профессии кузнеца видим во множестве вариантов фамилий: Кузнецов, Ковалёв, Коваль, Коваленко, Ковальчук, Ковач, Ковальский, у англичан – Смит, у немцев Шмидт...

Дорогой кузнец Петрович! Признание твоей профессии как самой древней и самой важной в жизни людей подтверждает и бывший Герб России – серп и молот, Жница и Кузнец! Какая награда твоему труду может быть дороже, чем эта?!

Но вернёмся к молодости Петровича.

Петрович женится

Ему был только 21 год и девять месяцев.

«Но по комплекции вид мой был отличный, плечи широкие, лицо красивое, я носил кожаную дорожную куртку и хромовые сапоги. Но главное – моя профессия, кузнец был на первом счету. Я не думал жениться ещё год или даже два. Но престарелые родители упрашивали меня женить»

ся, так как они были слабы и им нужна была в доме помощница».

Невесту определил сосед Боярко Миша. Это была Ольга – его двоюродная сестра.

Что ценилось тогда в невесте? Род, из которого она происходила. Так вот по этой части тут всё было в порядке. Отец Ольги Клим Семёнович, человек умный и скромный, слыл на селе хорошим хозяином и добропорядочным семьянином. С женой жил в любви, почитал её и своих дочерей – Ольгу, Марью и Дуню.

Ольга, по словам папы, была красивой: «достойная, умная, смелая, весёлая девушка, хорошей комплекции, моего года рождения». Тогда девушку надо было засватать. Так и сделали: отец папы, брат Павел, Боярко Миша, сам жених явились в начале февраля 1923 года в дом Клина с водкой и буханкой хлеба.

«Договорились быстро, родители невесты дали своё согласие, и все стали молиться Богу».

Свадьбу сыграли в конце февраля 1923 года.

Папа очень любил Ольгу, она его – тоже, часто, на удивление всего села, папа носил её на руках. Пришлась сноха по вкусу и родителям папы, да вот что-то не получалось у молодых с беременностью, и папа запаниковал, неужели он в этом виноват? Ведь у брата Павла четыре года не было детей... *«Я решил, что виноват в этом я».* Но страхи папы были напрасными: в декабре 1924 года, когда папа отслужил только три месяца кадровой службы в Красной Армии, Ольга родила мальчика Мишу.

К несчастью, судьба Ольги оказалась плачевной. В 1925 году от дизентерии умерла Дуня – семнадцатилетняя красавица, младшая сестра Ольги. А через месяц вслед за нею ушла из жизни и Ольга. Ухаживая за больной сестрой, она заразилась и умерла, оставив девятимесячного сына на руках пожилых родителей отца. Это ли не издевательство судьбы?

...Сейчас, когда прошло с тех пор восемьдесят пять лет, я ощущаю всем сердцем ту трагедию, которая обрушилась и на семью Клина Семёновича, и на папу, потерявшего любимую женщину, и на маленького Мишу, по сути не знавшего родной матери и несшего в душе своей сиротство и безграничную боль в течение всей своей короткой жизни.

Я хорошо помню, как, учась в Унече в железнодорожном училище, Миша привёз от своей тётки Марьи чудом сохранившуюся фотографию в коричневом цвете на паспарту, где сняты Ольга с маленьким Мишей и Дуней... Спокойное выражение красивых лиц, шикарные волосы, нарядная по тому времени одежда и длинные пальцы рук – им ли не жить, не радоваться счастью... И как страдал Миша... он ведь не смог назвать матерью нашу маму, в его душе жила его мамочка Ольга. Он переснял и размножил эту необыкновенную фотографию, которую он взял у тётки Марьи, и я удивляюсь, как это она сохранилась в нашей семье... теперь вот её размножил Шурик, она напечатана в обеих моих книгах...

На «кадровой» службе

Итак, папа, как мы видим, женился рано: ему шёл только 22-й год. Прожили они с Ольгой менее двух лет, как вдруг папу забирают на службу в Красную Армию. Это случилось осенью 1924 года.

«Жена Ольга беременна, а мне пришлось отбывать два года воинской повинности. Обидно, что в Кустичах моего года рождения было 26 хлопцев, а взяли в армию только 7 человек. Это была первая мобилизация в кадровую после окончания гражданской войны».

Папа подробно описывает свою первую службу.

«И вот мы прибыли в город Полоцк, в 5-й артиллерийский полк. Переходим мост через Западную Двину и видим

трёхэтажную казарму нашего полка, который входил в Ви-тебскую дивизию. Кроме артиллерийского полка, в Полоцке базировались ещё три пехотных полка, я один попал в артиллерию, остальные 6 кустенцев – в пехотные полки.

Три месяца моя учёба – пушка и снаряды, затем подобрали 6 человек для обучения ковке лошадей, в то время пушки тягали лошади, техники не было, так что в каждой батарее должен был быть один кузнец. Также из каждого пехотного полка выделялось два человека плюс одного из кавалерийского эскадрона – всего 13 человек, все мы учились ковать лошадей. Среди них, кроме меня, никто не держал в руках молотка, я один был кузнец.

Нам дали книги по теорииковки лошадей, и мы под руководством ветврачей изучали копыто, его расчистку и ковку.

Казалось бы, и зачем это изучать копыто? Да ещё 9 месяцев!** А на самом деле – это дело серьёзное. Тут надо знать больное копыто – и как его ковать, и как сделать подкову.

...Поставишь коня в станок, закрепишь его ногу на подставке, а он боится, он хрипит, косит глазом на мои руки, дрожит... но и к лошади надо иметь подход: я её поглажу по холке, ласково с ней поговорю, и она успокаивается... острым ножом, как бритва, я обрабатываю копыто, срезая сбитый роговой слой, и приготавливаю таким образом ложе для подковы, а затем подбираю по размеру подкову и прибиваю ухналями её к копыту. Тут нельзя ошибиться: не по наковальне молотком бьёшь, а по живому месту. И лошадка становится бодрее, сноровистее – бежит и цокает стальной обувкой...

После окончания курсов я ковал лошадей три месяца, а потом мне присвоили звание старшего кузнеца, и я делал инструменты для своих кузнецов, ремонтировал повозки, а также получал со склада подковы, шипы, ухналы и другие товары. Иногда я и подторговывал: продавал евреям

железные вещи, поэтому у меня всегда были деньги, да и оклад мой был выше – не 1-60, а 2-80. Сапоги хромовые стоили тогда 20 рублей.

Наш полк имел подсобное хозяйство, и мой авторитет возрастал. Я делал распахки, плуги, серпы, но была ещё одна очень интересная работа – это шпоры.

Однажды начальник штаба попросил меня отковать шпоры другого образца. Мы со слесарем заказ выполнили, работа наша всем офицерам понравилась, и другие офицеры заказывали их тоже. Плата 4 рубля. Деньги делили пополам».

В своих воспоминаниях папа особенно эмоционально рассказывает о «лагерной» жизни.

«Весной 1925 года 5 артиллерийский полк уезжает на станцию Юретунь, что в 40 км от Полоцка. В непроходимом лесу построили примитивный лагерь. Кухню огородили обаполками.

...мух миллионы. Откроет повар крышку котла, они – туда, и варятся там, как заправка. Принесёшь обед в котелке, а их там навалом. Я изгидился и не стал есть, а вылил всё из котелка. Хорошо, что у меня были деньги: пойду в полковую лавку, куплю сахару, колбасы, белого хлеба... и так до отъезда в казарму.

До чего мы были бедны, что не могли построить кухню – ешьте, люди, мух!».

Да, папа мог избежать этой службы, если бы был более расторопным. Это он понял теперь в свои восемьдесят, когда стал описывать свою жизнь:

«...Надо было пойти в военкомат и сказать: «Я вам принесу его и оставлю...». Он имел в виду своего девятилетнего Мишку, который остался без матери на руках его старых родителей. Но он никуда не пошёл и не стал нико-

го просить, а поехал в Полоцк отбывать службу... и ещё целый год он нёс эту «воинскую повинность».

И лишь осенью 1926 года, закончив службу, папа сбросил с себя износившееся тряпье, купил новые сапоги, брюки-галифе, суконную гимнастёрку и прибыл в Унечу, где на лошади его встречал отец.

Заехав к своим друзьям, они изрядно выпили и закусили и... «вот моя деревня, вот мой дом родной» – вот мои родные Бряновы Кустичи!

Здравствуй, новая жизнь!

Любовь и разлука

«...Я явился в своё родное гнездо. До службы за короткий срок, женившись на Ольге, я построил хорошую хату из двух комнат, через сени. Но мы там не жили, а сдавали её под квартиру судье с семьёй.

Поначалу, по осени, в кузнице работы было мало, на топорах много не заработаешь, а весной пошли в ход плуги, бороны, телеги, лопаты и прочие заказы, плата была хорошая, так что за один рабочий день я мог заработать и купить на эти деньги 6 пудов пшеничной муки, или тушу кабана, или ведро рыбы с водкой и закуской, в общем, ...эта была настоящая жизнь. Всё было дёшево: колбаса, селёдка, сахар, питание сытное, вкусное – такой весёлой жизни мы раньше никогда не имели».

«Я купил граммофон, Мишка с дедом красиво пел песни, а вечерами под гармошку танцевал со взрослыми на кругу в матросском костюмчике, ему было около четырёх лет».

У папы было два ученика из Халеевичей, они хорошо играли на гармонии, на улице Ковалёвка по субботам всегда было весело, шумно, пьяно.

Папа стремился начать новую жизнь, но для этого надо было заработать приличную сумму денег, поэтому он весну 1927 года работает со своими молотобойцами в большом селе Лыщичи. И он сумел хорошо заработать и купить на эти деньги лес, нанять двух плотников, четверых пильщиков, двух молотобойцев-учеников, и им тоже надо было всем платить, всех кормить.

Папа продал свою хату, так как он в ней разочаровался, и построил новую – трёхстенку, под одну связь, эта новая его хата была лучшей постройкой во всём селе. Кроме этого, летом 1927 года он построил хорошую кузницу в центре села, так что работа кипела, сил и желания хоть отбавляй, авторитет папы возрастал, и он по-прежнему оставался первым женихом на всю деревню.

...Пришла и любовь, и тут надо рассказать об этом подробнее, впрочем, пусть папа об этом расскажет сам.

История первая

«После службы в кадровой я вернулся домой осенью 1926 года. Я был вдов. Со своими сослуживцами вечерами мы посещали девчат. На каждой улице – группа девчат. К ним приходили ухажёры. Они провожали их до дому: садятся на лавочку и любезничают и час, и два. Но были и другие пары, которые залегали в постель до утра.

У меня на первых порах ухажёрки не было. Но приезжала из соседней деревни Гаськова к сестре красавица, и я предложил проводить её до дому. Первый вечер мы сидели на завалинке и приятно его провели. На следующий вечер сидим на том же месте, а на следующий – она взяла меня под руку и повела в сарай на свежую солому. Она легла на солому, и я обнял её...».

И далее папа замечает: *«Потом у нас была отдельная хата, спали мы на кровати, она держалась скромно, хотя меня любила».*

Любовь продолжалась более года.

И вот в начале 1928 года папа решил засватать свою любимую.

«По дороге из Стародуба я и мой тесть по первой жене Клим Семёнович заезжаем в Гаськов. В доме невесты ставим на стол литр водки и буханку хлеба, я делаю предложение жениться на дочери хозяина этого дома и прошу приданого 150 рублей. Но отец невесты в этом мне отказал, предложил пай земли, да я кузнец, мне земля не нужна, и я предложил невесте поехать сейчас же ко мне, а завтра распишемся и на вечере будут только мои гости, а твоих – никого».

Однако девушка побоялась послушаться отца и отказалась от такого предложения.

«...Тогда я забираю водку со стола и до свидания». Забегая вперёд, папа рассказал о дальнейшей судьбе своей возлюбленной.

Отношения их постепенно охладевали, папа женился на нашей матери, а его девушка вышла замуж за красивого комсомольца из очень бедной семьи. У них родилась дочь, но комсомолец вскоре уехал в Ростов, развёлся с ней и женился там на еврейке. Вскоре папина пассия вышла замуж за пожилого мужика в Крапивну, и тут она загуляла опять. *«Муж-старик лежит на русской печи, а она на кровати с любовником. Не вытерпела этого соперница и однажды бросила кирпич в окно, стараясь угодить в них, но кирпич попал в висок девочки – спустя какое-то время она умерла».*

А старик-муж бросил гулящую жену и женился на вдове в селе Осколково, гулящая же в 30-х годах уехала на Украину и поселилась там рядом с другими переселенцами из Кустич, около Прони – сестры папы, вела неприличный образ жизни и в пятидесятых годах умерла. И тут же папа добавляет: *«Хорошо, что я не женился на ней... видно, её убили хохлушки...».*

Вот фантазёр, этот наш папочка, да умерла твоя любовница уже старой и больной!

Всю эту историю рассказал папе старик, переселившийся в Осколково, когда папа там работал по договору.

Но была ещё одна возможность папе жениться на красивой девушке, и вот что он об этом рассказывает.

История вторая

Одним из папиных учеников был Илья Семёнович, он происходил из зажиточной крестьянской семьи из Халеевич – это село Стародубского района. Илья учился у отца три года, затем построил свою кузницу и предложил папе жениться на его сестре Пелагее. 22 мая 1927 года он пригласил папу к себе домой в праздник, на «Николая».

«Я охотно отозвался, явился в богатую семью, а гостей – один я. Невесте было 18 лет, 1909 года рождения, лицом красива, умна, как её отец. У семьи её было много земли и угодий: сенокос, лес – хозяйство крепкое, богатые постройки. Сидя за столом, они ждали моего предложения, но я этого не сделал, так как у меня была ухажёрка...».

И далее папа рассказывает о страданиях, которые пережила эта семья.

В пору коллективизации их раскулачили и всю семью сослали за Урал. Там они и умерли от голода и холода в лесу, куда их бросили, – как хочешь, так и выживай. Пелагея успела к тому времени выйти замуж, а Илья сбежал, прятался в Кустичах, но вечером местные власти его поймали и ранили, и он получил 10 лет лагерей. Когда же он отбыл свой срок, то поселился в соседнем селе Селище с женой, которую он привёз из неволи.

Спустя 25 лет Илья Семёнович, узнав, что папа живёт в Пятовске, пригласил его себе в гости. Среди многочисленных гостей папа увидел Пелагею и был поражён её зрелой красо-

той: *«Лицо белое, как булка, хороша комплекцией, четыре класса образования, она на меня смотрит, а я на неё. Первого мужа она бросила, второй погиб на войне. Дом в Халеевичих Пелагея продала и поселилась в Остроглядове рядом с дочкой, торговавшей в магазине».*

Вот ещё одна несостоявшаяся судьба, и папа опять фантазирует: *«Если б у меня тогда не было ухаждёрки...».* Да, если бы кабы...

Беляковы. Папа женится на Алёне

Наша мама происходила из семьи крестьянина-середняка – Моисея Илларионовича Белякова из Бряновых Кустиц. Это наш дед, а бабушку звали Настюхой. По всей вероятности, она страдала астмой, мама называла её болезнь «задышкой», поэтому она умерла рано, по моим расчётам, в 1920 или в 21-м году в возрасте около 50-ти лет. Младшей дочери Алёне, нашей маме, было тогда 14 лет.

После революции, когда началась новая экономическая политика, дед Моисей переселился на посёлок Троицкий, где пахал и сеял, разводил скот и птицу, в общем, крестьянствовал – и вскоре нажил довольно крепкое хозяйство. Хозяином двора был старший сын (а мамин брат) Фёдор, сестра Агапа уже была замужем за тем Мишей Боярко, что дважды женил папу. У Фёдора и его жены Химы рождались один за другим дети. До замужества в семье с отцом и семьёй Фёдора жила и наша мать – Алёна.

В молодости Алёна была красивой девушкой. Самым ярким в её внешности был блеск её круглых серо-голубых глаз и их пронизательный взгляд. Недаром мой муж боялся этого её испепеляющего взгляда даже на портрете. На её слегка скула-

стом лице всегда горел яркий румянец, а каштановые волосы, гладко причёсанные, украшали её маленькую головку. Она была весёлой и прекрасно пела. Голос её был высокий и звонкий, она очень любила петь. Помню, мама прядёт и поёт, несёт ли на руках ребёнка, жнёт ли в поле – и поёт тоже. А до замужества, по словам Анны, моей двоюродной, она была ещё и гордой: отказывала всем своим ухаждёрам, а уж как хотел на ней жениться местный парень Косяков, папа долго ещё ревновал к нему мать...

Когда Алёне исполнилось 22 года, пришлось серьёзно задуматься о замужестве, и тут подсуетился Мишка Боярко – двоюродный брат первой жены папы Ольги и муж Агапы – сестры мамы. Папа, потерпев неудачу в сватовстве любимой девушки, решил не жениться до весны 1928 года, а тут такое предложение: девушка достойная, из обеспеченной семьи, скромная, красивая... и папа согласился, хотя потом, на старости лет, вроде даже раскаивался в этом:

«Мечта моя рухнула... Я был послушной дурак. Ведь девушке я мало знал, она живёт в посёлке, а я в селе...».

Поехали в сваты компанией: жених, его брат Павел, отец, а также зять Шпак – муж сестры Прони. Согласие было достигнуто: папа попросил 150 рублей приданого, Фёдор предложил двух коней, но папа отказался, тогда Фёдор обещал продать их и дать деньги. Сватовство состоялось.

«Мы помолились Богу и стали пить магарыч».

Свадьбу сыграли в конце февраля 1928 года. Было приглашено много гостей, играли гармони, пили, ели, пели и танцевали, свадьба «была нескупа», и все были счастливы. Первой родилась моя сестра. В честь бабушки Настюхи мама назвала дочку Анастасией.

...Подробнее хочу рассказать о семье мамы.

Отец её был человеком довольно жестоким. Свою жену, нашу бабушку Настюху, часто бил за то, что она не могла работать на жаре в поле, это было не в счёт, что её душила астма. Анна рассказывала, что в голодные годы, когда семью Фёдора раскулачили и выслали в совхоз Вьюнки, на «пески», а Фёдора как «кулацкий элемент» посадили в тюрьму и шестеро детей голодали, да ещё родился седьмой, – дед приказал Химе не кормить новорожденного... «Спасай остальных детей, умрешь сама от истощения – умрут и они». И ребёночек умер... она понимала, что свёкор был прав...

Когда через полтора года Фёдор вернулся из тюрьмы, он увидел ужасное положение своей семьи, долго искал из него выход, и пришлось в 1937-38 годах переехать в Унечу к сестре Агапе. Год ютились у неё в коридоре огромной семьёй, а по весне Фёдор купил в деревне избу, семьёй перетащили её по брёвнышку на своих плечах и поставили к зиме хатынку на Бельце поблизости от Боярок.

Так с чистого листа началась их новая жизнь.

Образования более 4–5 классов ни у кого у детей Фёдора не было, работали все на малооплачиваемых работах: дядька в бане, Маша в столовой рабочей, Коля пас коров, да потом от туберкулёза лёгких молодым и умер, Василь – в депо токарем, а Анна на элеваторе. Дуня была с детства инвалидом, а вот Иван, старший, не знаю, чем занимался, только он воевал и вернулся с войны очень израненным.

...Сейчас уже умерли все. Так сложилось, что мы редко встречались, они работали, а мы все учились, да и мама как-то не стремилась из-за своей вечной занятости сблизить нас с её родственниками.

С Анной мы встретились в 2003 году в Унече. За короткое время Анна не могла рассказать нам с Тасей всего того из прошлого, что было бы мне очень интересно. Я собиралась навестить её через год, но она скоростно умерла в этом же году.

Тётка Агапа в голодные 30-е годы с четырьмя детьми и мужем Мишей Боярко уехали по вербовке на Украину, но там они прожили немного: тётка заболела тифом, но выжила, а вот двух девочек похоронили в чужой земле. В 1935 году они вернулись на родину и теперь поселились на Бельце в Унече.

Боярки имели троих красивых детей: сына Шуру 1926 года, Алексея – 1928 года и Зину 1937 года рождения. Самый солнечным и добрым был Алексей – военный лётчик-штурман. Он часто бывал у нас в Пятовске. Помню, в годы войны я пошла его проводить до остановки поезда, но мы ушли в другую сторону, пришлось бежать, а у Алексея мешок с яблоками на плечах. В другой его приезд мама зарезала гуся, обработала, и Алексей его повёз домой.

Но более всего я запомнила, как дважды Алексей приезжал ко мне в Стародуб уже будучи курсантом военного лётного морского училища, где он учился на военного морского лётчика-штурмана. Он был очень вежлив и дал мне двадцать рублей... Выйдя в отставку, Алексей вскорости умер совсем ещё молодым прямо в автобусе в городе Николаеве, где он жил.

Судьба Шуры печальна. Он работал токарем на производстве. Когда умерла его жена, он стал пить, потерял память и закончил свою жизнь в интернате для престарелых. Двое его сыновей умерли молодыми.

Зина и сейчас живёт в Белоруссии, в Солигорске, с младшей дочерью Ириной, зятем и внуками. Старшая дочь её умерла, оставив Зине троих своих детей, которых Зина и вырастила. Зина окончила Клиновский текстильный техникум и до пенсии работала на ткацкой фабрике в городе Солигорске, а с мужем она рассталась ещё в молодые годы. Мы с Зиной переписываемся, и я очень сожалею, что наши жизни не пересеклись раньше...

Вот такие краткие сведения о родне нашей мамы я узнала от неё самой, Зины и Анны. Конечно, я могла бы подробнее их

изложить, но в данном случае я преследую иную цель – рассказать о своём отце и матери – наших незабвенных родителях, насколько это возможно.

Коллективизация и нищета

Почему папа в 1934 году оставил родное село, друзей-товарищей, продал за копейки новый дом и переехал с семьёй в чужой край – на Стародубщину, в село Пятовск?

Прежде чем ответить на этот вопрос, надо понять ту политическую и экономическую обстановку, в которой оказалась страна и, значит, село Бряновы Кустичи. Папа в своих записках даёт разумную оценку этим событиям.

Если о нэпе он отзывался как о благодатном времени в истории России, когда возродившиеся частные предприятия и частная торговля наполнили прилавки товарами повседневного спроса, когда народ включился в трудовой процесс и разруха, голод и безработица отступили, то в тридцатые годы, уже после смерти Ленина, началось наступление на деревню и уничтожение труженика-крестьянина. С приходом к власти Сталина политика нэпа была свёрнута, в 1928 году объявлена коллективизация сельского хозяйства, то есть создание колхозов и совхозов. И это в то время, когда крестьяне после окончания гражданской войны ожили: начали сеять, пахать, продавать продукцию своего труда на рынках. В эти годы папа сумел построить по сельским меркам приличный домик, прекрасно зарабатывал, носил кожаную куртку и хромовые сапоги, женился на нашей матери и, казалось, был успешен и счастлив, как вдруг... (папа с болью в сердце пишет):

«Пришла страшная гроза – коллективизация. Начали создавать колхозы. Сначала пошёл актив села. Коммунисты начали делать обход дворов и записывать всё имущее:

ство: землю, скот, инвентарь, птицу, «добро» в сундуках, даже ложки и те брались на учёт».

Крестьян, не желавших вступать в колхоз, облагали непосильными налогами, кто с ними не справлялся, тех обязывали заплатить штраф, не можешь – продай дворовую постройку и заплати. Папа приводит такой пример.

«Жил на посёлке Мазовка зажиточный крестьянин Саврик Влас. Он был обложен налогом в пятьсот пудов картошки. На лошадях он повёз эту бульбу в Унечу. А какие были тогда дороги? Кони и телеги тонули в грязи, стояли огромные обозы с картошкой. Отвёз Влас все 500 пудов, но он получил предписание сдать ещё 400 пудов, и он понял: рассчитаться нельзя, надо идти в колхоз... но кулака не принимают, что делать? Чтобы куда-то устроиться, нужна была справка с места жительства, а сельсовет её не даёт. Но сын председателя сельсовета за 30 рублей такие справки выдавал, и многие кустеныцы, купив такую справку, убежали из села кто в Москву, кто в Киев».

Но более всего папа негодует, когда рассказывает о тех несчастных, которых раскулачивали и высылали за Урал или в другие регионы. Я уже рассказала о трагической судьбе семьи папиного молотобойца Ильи, сосланных после раскулачивания в Сибирь. Их выбросили прямо в лес в зимнюю пору: копай землянку, добывай еду сам, где хочешь и как хочешь... конечно, все они умерли в тайге от холода и голода... А за что раскулачили моего дядьку Фёдора?

Жил на посёлке Троицком со своим многочисленным семейством и старым отцом Моисеем, все трудоспособные семьи работали на земле, держали скот и птицу, никого не эксплуатировали, никого не притесняли. И в один прекрасный день явились «активисты» колхоза, забрали животных, домашний скарб, зерно и всё содержимое подвала (или погреба) и, дав на сборы несколько часов, посадили семью из восьми человек на две подводы и отвезли всех под Клинцы в совхоз «Вьюнки»,

где земля – пески, пустая и бесплодная, на которой не выростала ни картошка, ни рожь, ни огородные культуры... к тому же дядьку посадили в тюрьму как «вражеский кулацкий элемент». Как выжить бедной тётке Химе с шестерыми детьми? И в чём виноваты голодные дети? И что пережила эта Хима, когда встретила со стаей волков вьюжной зимней ночью в поле, возвращаясь с пудом муки из Кустич, которую отсыпал папа от своего единственного мешка...

В жизни России тридцатые годы были тяжёлыми временами. Коллективизация и раскулачивание привели фактически к уничтожению лучшей части трудолюбивых крестьян, к тому же в неурожайные 32 – 33 годы население умирало от голода, и, спасаясь от него, многие стремились выехать на Украину. К примеру, сёстры отца Проня и Феодосья уехали из Кустич и поселились в Николаевской области в селе Кушиновка, Александровского района. Мамина сестра Агапа с мужем и детьми завербовались на Украину, как я уже говорила, тоже, но Украина обманула их ожидания: заболели дети тифом, они потеряли двух девочек, заболела и Агапа, но чудом выжила. Боярки вернулись и поселились в Унече.

А что было в те годы с отцом?

В 1930 году была образована кузнечная артель «Ударник» в городе Унече. В неё входила и кустичская «точка» кузнецов, которую возглавлял отец. Работали шесть человек – три кузнеца и три молотобойца на трёх горнах. Они в колхоз не вступали, поэтому их всех обложили налогом на землю, которую они имели, и на заработок в кузне.

«Лично мне надо было сдать 20 пудов зерна, но в 1933 году, дождливом и холодном, мне удалось собрать только 12 пудов вики и 6 пудов гречки. Вику я отвёз на склад, а гречку оставил себе на пропитание. И тут присылают из Унечи бригаду коммунистов по изъятию у крестьян продовольствия. Цыган Бобров устраивает мне допрос: «Почему не выполняешь план самообложения?» И бьёт кула-

ком по столу! Тут же посылает своих людей, они пришли ко мне и забирают гречку и чужое сало, которое принёс сосед на хранение ко мне и повесил на чердаке, это около двух пудов. Не нашли только одного пуда пшеницы. Так моя семья осталась совсем без продовольствия. Это был настоящий грабёж»...

«Что делать? Мне пришлось писать заявление о приёме в колхоз, где давали паёк – котелок супа и кусок хлеба на всю семью. Я был обижен за то, что меня, специалиста и рабочего человека, приравняли к неработающему голландцу котелком супа... И второе: брат тоже влился в колхоз, и нам двоим здесь делать нечего. Я стал искать работу за пределами Брян-Кустич».

Переезд в Пятовск

Коллективизацию сельского хозяйства как трагедию русского крестьянства прекрасно описал М. Шолохов в романе «Поднятая целина». Но достаточно прочитать записки Петровича, чтобы понять политику уничтожения истинных хлеборобов русской деревни, их бегство в чужие земли и города. Бедственное положение народа России усиливали неурожайные 1932-33 годы и последовавший голод.

Папа повторяет второй раз о тяжком положении его семьи в 32–33-м годах:

«Я посадил картошку и не получил ни одного ведра. Так и другие посева погибли. Намолотил вики два центнера и один центнер гречки. Коммунисты расслоили народ на батраков, бедняков, середняков, кулаков, индивидуалов и культ личности. Таким «культом» был слепец Шмат Клим. Он создал в церкви отличный хор. Сам Клим владел прекрасным басом. Так вот, этого индивидуала обложили таким налогом, что он с сумой пошёл по миру в сопровождении поводыря...».

Папа стал искать работу в соседних сёлах, побывал и в Пятовске, но там шла смена власти, и папа ушёл ни с чем. Тем не менее он по дешёвке, всего за 900 рублей, продал свою хату, когда в начале апреля 1934 года из Пятовска пришёл почтальон с запиской от нового председателя колхоза с предложением работы и заключения договора по оплате труда.

А 16 марта 1934 года пятовцы прислали две подводы и, погрузив на них сундук, стол, постель и прочий домашний скарб, усадив детей Мишу и Настеньку, маму с малюткой (это была я), папа пустился в плавание, чтобы начать жизнь с начала и в чужой стороне.

По договору папе выдавалась плата натурой: ежемесячно четыре пуда ржаной муки и корм корове до выпаса. Поселили же семью в заброшенную хатыну – землянку без пола и с одним окном, в которой прожили всё лето до осени.

«Но мы не журились: главное – есть хлеб, а у колхозников-пятовцев и того не было. Голодали, и лишь весной дали по пуду муки на двор, когда колхозу выдали ссуду. Коллективизация всех сделала нищими».

«Колхоз был очень бедным. Кузница помещалась в бане, и дым и газ выедали глаза и поражали лёгкие».

Спустя годы, уже в преклонном возрасте, папа раскаивался в том, что покинул родное село. Но тут же противоречит себе:

«Однако ошибки я тут не нахожу. Пятовск надо ценить за то, что близка железная дорога, плодородная земля»...

Через год папа вступил в колхоз, и нашу семью поселили в неплохую хату раскулаченного крестьянина Брацуна, сосланного в Сибирь.

...Помню, хата стояла напротив школы. На улицу выходили два окна с жёлтыми наличниками на них. Холодный коридорчик, кухня с русской печкой против входной двери и свет-

лая горница, в которой зимой папа делал буржуйки, трубы к ним и прочие жестяные работы, а весной начинались литься Настенькины слёзы: «Буду белить, мыть, убирайте папины молотки и железо»... Мама сдавалась, и начинались тяжкие труды десятилетней девочки. Как она любила убирать и «наводить красоту»!.. И через неделю сияли белизной стены, блестел пол, окрашенный жёлтой охрой, на окнах висели ситцевые занавесочки, а майскими вечерами на завалинку дома усаживались Настенькины подружки-одноклассницы и тренькали на балалайке...

Жизнь в Пятовске

Итак, мы прожили в Пятовске год. Папа не продлил договора и вступил в колхоз. К этому времени была построена хорошая кузница. Теперь колхоз доверял ему закупать у частных лиц уголь, железо, запчасти для сельхозтехники. Деньги он получал в кассе колхоза и потом за них отчитывался.

«Я был экспедитором своего производства», – замечает папа с гордостью.

«Надо сказать, колхоз постепенно набирал силу. После сдачи государству наложенной контракции колхозникам выдавали на заработанные трудовые платы за отчётный год натурой: зерном, картофелем, кормом скоту. Картошки и хлеба хватало, но денег не давали, меня выручало «отходничество».

Пятовский сельсовет объединял девять колхозов, и семь их них обслуживал Петрович. Заработки поступали в кассу колхоза, и за восемь рублей папе начислялся один трудовой день, но папа сумел часть выручки оставлять себе, поэтому:

«Жизнь моя улучшилась, я работал бешено, ворочал тонны железа и хотел заработать как можно больше. Я ухо-

дил в «отходничество» чаще всего зимой, колхоз меня отпускал охотно.

Сколько же было таких отлучек! В Павличчи, три раза в Рюхово, два раза в Осколково, Покослово, Пантусов и в другие колхозы... Я получал там квартиру, питание, для коровы сено и топливо, но пятовские колхозники стали обращаться к председателю Хомутову с просьбой не отпускать Шерстюка в другие места, так как он не справляется с работой в своём колхозе.

Хомутов вызвал меня в контору и стал сильно оскорблять. Я был сильно обижен и унижен...».

Шёл 1937 год.

Жизнь в Выстрикове

Весной 1937 года больной туберкулёзом председатель Хомутов уехал в санаторий на три месяца. Воспользовавшись его отсутствием, папа принял предложение выстриковского председателя поселиться в селе Выстриково и по договору работать кузнецом.

Папа почему-то ничего не пишет об этом непродолжительном периоде своей жизни в Выстрикове. Но мне было в то время уже три с половиной года, и некоторые моменты, связанные с эмоциональными стрессами моей маленькой души и дополненные воспоминаниями моей сестры, до сих пор живут во мне.

Например, как каждое воскресенье приходили к нам какие-то мужики, приносили водку, и папа требовал от мамы закуску. Не выдержала мамочка этих нашествий и, стоя на пороге, возмугилась:

– До каких пор это будет продолжаться? Чем же мне кор-

мить четверых детей? Ведь поросёнка уже почти всего твои пьяницы съели!

Я стояла рядом, прижавшись к маме, как вдруг папа бросил в нас пустую бутылку, но она ударилась о стену и рассыпалась на острые осколки, которые ранили маме руку и мой указательный палец на левой руке. Мама громко заплакала и, подхватив меня, выскочила на улицу.

Еда у нас была, но мама очень скучала по пятовским людям и упрекала папу в необдуманном решении уехать с насиженного места. Папа молчал, но пьяниц больше не приводил. Он тоже не мог привыкнуть к новому месту.

Мы же, дети, активно изучали окрестности села: вокруг него простирались широкие луга. Там паслись огромные стада гусей и была криница, в которую я любила смотреть и любоваться ключом холодной воды, который бил со дна. Ещё мы с Настенькой и Мишей в воскресенье или на какой-то праздник, помню, бегали в сельский клуб, чтобы посмотреть на человека, танцующего на руках головою вниз.

А это уже рассказывала мама: когда пятовский председатель вернулся из санатория и увидел, что Шерстюк уехал в Выстриково, то... вот как об этом моменте пишет папа:

«Председателю Хомутову пятовские люди стали жаловаться, что без коваля очень плохо, надо его вернуть, и тогда он посылает гонца, и я решил вернуться.

Выстриково я не полюбил, мы возвратились, а Хомутов стал ко мне очень добрый».

Мамочка радовалась больше всех. Мы вернулись со своим скарбом на двух подводах в родную хату с жёлтыми наличниками, смотревшими прямо на школу.

...Прошло пять лет жизни нашей семьи в Пятовске. За это время родители претерпели много горя. Я помню, как погибла королева Зорька. Что-то ядовитое съела, вздулся живот у коро-

вы. Пригласили ветеринара, а тот влил ей в рот керосин и раз, и второй... Корова упала и сдохла. Мама плачет во весь голос, чем теперь кормить детей... Понесла корм кабану в сарай, а тот сидит на задних ногах мёртвый... Две таких потери за один день! Как только пережили бедные родители такое несчастье! И сколько погибло поросят от неизлечимой тогда свиной рожи!

А топливо? Торфяных залежей в Пятовске не было, папе, скромнейшему и не умеющему требовать, лошадь давали из колхоза в последнюю очередь, чтобы привезти из леса воз хворосту, – так и спасались мы от холода на печке. Холод шёл и от замёрзших окон, и от двери, выходившей в холодный коридор.

Это главные проблемы, но было ещё много других: непосильные налоги, отсутствие денег – чтобы их иметь, надо было везти на рынок и продать заработанный хлеб, овощи, выращенного поросёнка, телёнка... А как же жить семье?

Папе удавалось заработать в соседних колхозах какую-то копейку, тогда он ездил в Москву и привозил нам недорогие джемперки, платица, маме обновки, себе... и непременно что-то красивое из посуды. Он стремился ко всему красивому: любил красивые дома, мебель, одежду, посуду, обои, картины, книги. Однажды привёз книгу с цветными иллюстрациями «Военно-Грузинская дорога».

Таким был наш папочка Петрович – с «очарованной душой», обострённым чувством совести, неутомимым тружеником, уважаемым человеком на всю округу.

И опять на службе

Жизнь Петровича никак нельзя обособить от политической обстановки в стране.

23 августа 1939 года между Германией и Советским Союзом был подписан пакт о ненападении и секретный протокол

о разделе Польши между Кремлём и Берлином. Спустя месяц, 28 сентября, Молотов и Риббентроп подписали «пакт», окончательно договорившись о границе, которая и должна была разделить Польшу между Германией и Советским Союзом на сферы влияния.

1 сентября 1939 года немцы напали на Польшу и разбили её армию в течение трёх недель. Это было началом Второй мировой войны. Когда польское правительство покинуло страну, Сталин, согласно «пакту» с Германией, отдал приказ нашим войскам занять Западную Белоруссию и Западную Украину, и 17 сентября началась оккупация Красной Армией восточных земель Польши, то есть Западной Белоруссии, а в дальнейшем и Западной Украины. Когда немецкие танки рвали Францию, Сталин ввёл войска также в Прибалтику и Бессарабию.

Папа в курсе этих событий. Он знает, что в гражданскую войну поляки заняли российскую территорию в 40 километрах от Минска и до Бреста, часть Украины, финны, захватив Карельский перешеек, угрожали Ленинграду. Советское правительство предлагало Финляндии отодвинуть границу в обмен на некоторые малоосвоенные земли Карелии, но финны построили на Карельском перешейке мощную линию обороны – укрепления Маннергейма.

И папа горько добавляет: *«Войной Выборг был взят, но сколько кровушки за два месяца пролилось в Карелии»*. И далее он рассуждает:

«Эти войны не требовали сплошной мобилизации, только часть мужиков мобилизовали на фронт, тут и меня участь не миновала. Это был 1939 год. Меня взяли как кузнеца в числе сорока металлистов по Стародубскому военкомату для ремонта автомашин. В Брянске нас одели, и мы прибыли поездом в Минск. Здесь нас разбили по группам и отправили в Барановичи на товарную станцию, где ждали ремонта сотни машин. Началась работа. Наша передвижная автомастерская ремонтировала машины всю

зиму. Это была монтажная и демонтажная работа – отвинтить и завинтить болты. Я работал жестяником. Вскорости я получил из дому письмо: умерла дочь Надя, но комиссар части возразил против моего отпуска, и я так был разволнован, мои нервы так разошлись, что я не заметил, как стружка металла попала мне в глаз, я испугался, не вижу этим глазом, еле добрался до городской поликлиники. Врач, еврей, добрый человек, вылечил мой глаз за одну неделю. Лекарства тогда в аптеки завозились из-за границы, я их купил, и всё с глазом обошлось. Но я страдал ещё и желудком. Меня возили в поликлинику, я обращался и к частным врачам, признали одно – повышенные кислоты. Болезнь пугала меня, мне казалось, что моя жизнь недолговечна... Но нужно было дослужить свой срок. Кузнецам он был увеличен до девяти месяцев».

«В Барановичах большинство населения были евреи. Производства нет, кроме колбасного. В воскресенье крестьяне привозили в город свиные туши, масло, другие продукты, но наши солдаты порой обманывали евреев, платили не рублями, а облигациями, и это сеяло недоверие к русским освободителям. Да... русские всему научат, народ на всё способный», – заключает Петрович.

И тут я должна рассказать о тех трудностях, которые мы пережили в отсутствие папы. Я остановлюсь на двух из них.

Первая – это добыча сена для коровы.

Стояла жутко холодная зима 1939-40 года. В ту зиму замерзли сады. Главная проблема – прокормить корову, не дать ей умереть от голода и холода. Сена не было. И тут мама и Миша пошли на самый отчаянный шаг – они каждую ночь ходили в колхозную конюшню и набивали сеном наволочку от перины хорошим сухим сеном. Мама была очень боязливой и нервной, она вся тряслась, а Миша смело вынимал оконную раму конюшни, залезал туда и натаптывал наволочку сеном. Мама стояла на страже. Затем они огородами приносили сено

и им спасали корову – нашу кормилицу и нашу надежду жить с молоком.

Второе горе – это смерть Наденьки.

Наденьке было три года. Она была очень красивой девочкой. Бегала. Щебетала. Но поздней осенью 1939-го она заболела. Ей нечем было дышать. Её горло атаковала проклятая дифтерия, девочка плакала и звала маму... Довезти ребёнка вовремя в больницу мама не смогла, так как председатель колхоза Обоз не дал коня, а когда дал – было уже поздно... Наденька умерла в больнице. Гробик в дом не заносили, прощались во дворе. Мы все очень плакали. Особенно Миша и мама. Меня вынесли в шубе на улицу проститься с сестричкой. Она лежала вытянувшаяся, в розовом фланелевом платице, беленькая и словно живая... Схоронили Наденьку на Люлюковом кладбище первой, она до сих пор лежит там среди чужих одна...

Мы тогда все очень страдали и ждали папу, но папа не приехал, и мама вся почернела от безмерного горя...

Папа прослужил в Барановичах девять месяцев. И только тогда вернулся домой.

Помню, как папа в морозный день вошёл в хату: в шинели, ботинках и обмотках до колен. Я почему-то заплакала и залезла на печку, опустилась на табуретку и мама. И тоже стала всхлипывать. Папа сначала растерялся, а потом говорит: «Ну, что же вы плачете, я вам гостинцев привез...». И он достаёт из сумки конфеты, печенье, колбасу, консервы и какой-то свёрток, для мамы. Я осмелилась заглянуть папе в лицо. Он улыбался. В нижних зубах его блестели две золотые коронки, а в верхних – сияла совершенно очаровательная щербинка. Он был чисто выбрит, короткие усики украшали его белорозовое лицо, тёмные волосы, коротко постриженные, придавали молодость всему его облику. Ему было 38 лет.

Пришла радость, счастье. Вернулся папа! Валику было чуть

больше года, мне шёл шестой год, Мише – шестнадцатый, а Настеньке – одиннадцатый.

Шёл 1940 год.

Война. В Пятовск пришли немцы

1940 год был очень тревожным. Я всё чаще ловила из разговоров старших какие-то непонятные для меня слова: война, Гитлер, мобилизация... В своих записках отец краток и напряжён.

«Прошёл один год, как я демобилизовался. Работал. Год был очень трудным. Люди боялись новой войны. А война ожидалась, и надо было всем быть к ней готовыми. Стали призывать в армию мужчин. И тут был объявлен приказ Стародубского военкомата явиться всем военнообязанным в село Яцковичи на медосмотр. Я тоже туда прибыл. Врач вышел к собравшимся и спросил, кто чем болен. Все молчали, тогда я осмелился и сказал: «У меня болят глаза».

Он пригласил меня в кабинет и стал показывать буквы на таблице. Показывает верхние крупные – я вижу. На средних я замялся, хотя хорошо видел, а нижние ряды, я говорю, совсем не вижу. Обманул врача, и он мне поверил и дал справку на получение «белого билета». Это было для меня большим счастьем. Благодаря моей хитрости из этой бойни я вышел живым».

А летом 1941 года, 22 июня, Германия напала на нашу страну.

Я хорошо помню, как у чёрного репродуктора, висевшего на столбе около нашей хаты, столпились люди и слушали речь Молотова. Враг бомбил наши города, горели Киев, Брест. Пятовцы все превратились в безмолвие и жадно слушали призыв правительства встать на защиту Родины. Потом бабы в голос заплакали и не знали, что им делать.

Папа тут же объявил, что он будет копать блиндаж. И на завтра он доставил толстые листы «бронированного» железа и стал копать окоп. Вскоре яма со ступеньками была готова, папа уложил на неё сначала железо, затем на него навалил брёвна, насыпал слой земли, и убежище было готово. Мама с четырёхмесячным Шуриком спустилась по ступенькам первой и попросила нас постелить в новом убежище сено...

15 августа Миша прощался с нами. Он уезжал со своей бригадой на фронт. Ему не было ещё восемнадцати лет. Папа уговаривал его остаться дома, ведь он ещё не достиг призывного возраста, да и два пальца на его левой руке были ампутированы до третьей фаланги, но Миша хотел быть со своими товарищами вместе и работать на поездах, подвозивших оружие фронту. Уговорить его было невозможно.

Миша остался в моей памяти красивым и скромным. Белокурый, с ясными светлоголубыми глазами, очаровательной улыбкой и ямочкой на бороде. Его все любили в селе и школе и жалели, ведь у него была только мачеха, а его мать красавица Ольга умерла, когда Мише было всего девять месяцев.

Помню, как, провожая в последний раз, мама дала ему стакан топлёного сливочного масла и какой-то свёрток с едой в дорогу, когда он, одетый в железнодорожную чёрную шинель и с портфелем в руке, стоял уже у порога со слезами на глазах. Впервые за всю свою жизнь он сказал: «Спасибо, мама!» И мама заплакала.

Миша вышел из дома и сразу вернулся. Он снял с себя шинель и подал её папе, сказав: «Папа, сшей себе из неё зимний пиджак, а мне дадут другую». И Миша ушёл. Навсегда. В вечность. Его убила немецкая бомба, которая при налёте вражеских самолётов на состав, вёзший танки с Урала под Сталинград, угодила прямо в ту воронку, где спрятались Миша и мастер поезда. Позже нам на наш запрос из части пришёл ответ: «От трупа вашего сына была найдена только правая рука и голова. Похоронен на 33-м разъезде. В смерти не сомневайтесь».

У него была девушка. Позже она, будучи проводницей на нашем пригородном поезде «Унеча – Стародуб», узнала в Насте Мишину сестру и рассказала ей о судьбе брата. Это она дала ей номер воинской железнодорожной части, в которую мы и написали запрос.

Мне снится Миша до сих пор раза два-три в год. То юный и смеющийся, то старый и мрачный, то поющий на улице... Светлый был, добрый, солнечный. Брат Александр упросил работников Брянского архива отдать ему фотографию Миши из личного дела. Теперь она есть у всех нас, и младшие мои братья, которые родились в 40-х годах, теперь могут любоваться его святым ликом.

15 августа 41 года ушёл Миша. В этот же день папа получил повестку с предписанием явиться в военкомат 20-го числа, а 18 августа немцы заняли Стародуб и окружающие сёла, в том числе и Пятовск. В село ворвались ревущие мотоциклы, грузовики с немецкими солдатами... они тут же влетели в школу, развернули походную кухню, и аппетитный запах жареного мяса дошёл до нашего блиндажа, где мы молча сидели, зажатые страхом.

Петрович прятался на чердаке, боясь расправы немцев. Но вскоре люди стали выходить из погребов и землянок и даже вступали в разговор с «немчурой». Папа несколько раз ходил на немецкую кухню и приносил ведро горохового варева с мясом. Мы с удовольствием ели этот густой суп, остатки отдавали кабанчику. В другой раз он выменял одеяло за кусок сала и мыло – за десяток яиц.

Молодой немец полюбил нашего красивого Шурика, брал его на руки, подбрасывал и повторял: «Журка, Журка...». Он предвидел поражение Гитлера в этой войне и всё говорил папе: «Гитлер капут, капут...». Кто мог поверить этому юноше, когда немецкая пропаганда вбивала в головы крестьян миф об их непобедимости, когда они хозяйничали в селе, уводили коров и свиней из сараев, ловили кур и требовали «яйки».

Началась перестройка жизни и быта деревни.

Оккупация. Немецкая власть. Роспуск колхозов. Делёж земли и колхозного имущества между дворами крестьян. Назначение немецких приспешников старостами, бургомистрами, полициями...

Обо всём этом рассказывает папа в своём повествовании.

«Белый билет» спас меня от самой тяжёлой бойни. Я жил при оккупации более двух лет.

При оккупации установилась немецкая власть. Пятовский сельсовет переименовали в волость во главе со старшиной, в сёлах назначены старосты, за порядком следили полицияи».

«Колхозное имущество и землю поделили по душам. В нашей семье было шесть душ – значит, полагалось шесть паёв земли. Но на второй год я отказался от земли и оставил только два пая, так как я должен был работать в кузнице. На два двора вместе с Улитой Лосицкой нам дали кобылу, потом к нам присоединился дед Василёк с конём, он и пахал землю».

«Всё было разбито. Надо было делать повозки, плуги, зубить серпы и так далее. Я работал в яньковской кузне, молотобойцем у меня был орловский беженец без пальцев на одной руке. Старательный и добрый человек. Работали много, а какая плата? Заказчики несли натурплату: муку, зерно, яйца, самогонку. Бывали дни, когда зубили по 100 и более серпов за день. Заработал 1000 яиц, куда их девать? Повёз продать их в Клинцы, еле избавился от них, продал по дешёвке.

Мне не забыть жизнь при немцах. Забирали коров, свиней, угоняли молодых людей в Германию, народ жил в страхе, и никто не верил, что немцев погонят. Появилось много немецких приспешников. Бургомистры, старосты, полицияи строили своё благополучие. Растащили гумна, недостро-

енную из брёвен разрушенной церкви школу сожгли как дрова – люди думали, что советская власть не вернётся.

Теперь у всех была земля. Пахали, сеяли, молотили, зерно прятали в ямы, и многие были рады, что вернулась к ним земля, крестьянская душа всегда тянулась к ней и своему хозяйству...».

«Молотили цепами, но я отремонтировал разбитые молотилки, веялки, и теперь крестьяне пользовались моим трудом. Я уже собирался переселиться в Яньково, так как приехала дочь раскулаченного Брацуна, в хате которого мы жили, и попросила освободить её жилище. Пришлось около года жить кое-как».

«Когда пятовский староста узнал о моём решении переехать в Яньково, то он предложил купить бывший магазин и построиться рядом с Улитой Лосицкой. За четыре тысячи я купил этот магазин и перевёз его на новую усадьбу. Хату составили за короткое время, я перевёз сюда же и кузню. Так в работе и заботах я прожил два года при немецкой власти. Помог «белый билет», иначе бы меня убили или ранили в этой ужасной бойне...».

Что я знаю о жизни при немецкой оккупации? Мне было семь лет, но я хорошо помню многие моменты того времени.

...Вот в сторону Янькова, на восток, идут наши солдаты, запylённые, уставшие, в кирзовых сапогах и грязных гимнастёрках. Их много, длинная колонна, они спешат, просят у стоящих на обочине дороги женщин молока или водицы. Им несут хлеб, молоко, сало, они спешно пьют из кувшинов молоко и шёпотом говорят: «За нами идут немцы. Мы отступаем...». Бабы засуетились, загомонили...

Хорошо запомнились финны, разместившиеся в селе на короткий отдых. Они были большими и рыжими, сразу стали шарить по сараям, тащить поросят и ловить кур, на возникаю-

щих хозяев наставляли автомат. Мы почти всё время сидели в окопе, а поросёнка папа где-то спрятал.

В 42 году пошли в школу. Нам, первоклассникам, дали книжки, где на каждой странице красовался Гитлер со счастливыми немецкими детьми.

Изучали букварь, дошли до буквы «Т», на том образовании и закончилось, школу закрыли, но я полюбила учительницу Ольгу Васильевну Лапчинскую. Она дожила до глубокой старости и умерла не так давно, когда ей было далеко за девяносто.

Мы с Валиком чудом не погибли. Налетели самолёты, мама закричала, чтоб я притащила маленького Валика в блиндаж, я схватила его, и у моих ног пули прошили землю. Самолёт пролетел совсем низко с красными звёздами на крыльях.

В 42-м году папа перевёз магазин и построил новую хату, мы её побелили и стали в ней жить. На усадьбе росли четыре яблони – три антоновки и райка с прекислыми яблочками, а под ней выспели прекрасные большие и сладкие помидоры.

Немцы в село наезжали редко. Люди жили обычной трудовой жизнью. Я на своей земле не работала, а Настя с помощью мамы полностью обрабатывала этих два пая. К Петровичу же заказчики шли толпами, он никому не отказывал, и мог бы набить не одну яму зерна, но этого не произошло, о чём папа горько сожалел, когда после освобождения его забрали в армию и семья осталась без запасов хлеба.

При отступлении немцы сожгли несколько хат, все жители села спрятались в логу под посёлком Барлычи вместе со скотом, но соседка Улита осталась дежурить у наших хат, и два раза она откупалась от поджигателя – корзинкой яиц, приговаривая: «Пан, вот яйки, у меня киндер, киндер», – и помогло...

Когда немцы спешно отступили на запад, 23 сентября 1943 года, части Красной Армии вошли в Стародуб и наши сёла.

Пятовцы встречали освободителей с радостью и надеждой

– дождаться с фронта весточки от мужей и сыновей, ушедших воевать в 41-м.

Жизнь односельчан и нашей семьи столкнулась с новыми трудностями военного времени, о которых нельзя не рассказать.

Петрович уходит на войну

С приходом «наших» на освобождённую землю вернулись советские порядки. Сразу же создаётся колхоз с местной властью. Крестьяне возвращают в колхоз землю, колхозных лошадей, повозки, сбрую, урожай, собранный с полей. Если кто пытался укрыться от налогообложения, приходила комиссия и заставляла сдать хлеб в соответствии с задачами времени: всё – для фронта, всё – для победы. И, конечно, обязательная колхозная работа женщин, подростков, пожилых людей, которые тянули колхоз и за себя, и за мужиков, ушедших на войну. Трудное это было время...

Всех мужчин, оставшихся в оккупации, в течение месяца призывали на военную службу. Вызывали повесткой в Стародубский военкомат и назначали время и место прибытия на сборы.

История с папой несколько отличалась от других.

«Мне клевало на этот раз счастье. Сверху был дан такой указ: старых председателей колхозов и кузнецов взять на бронь. В здании кинотеатра состоялось совещание председателей сельсоветов, где от Пятовского присутствовал Цекун Фрол – мой друг. И он совершил роковую ошибку. Вместо «кузнец» он записал меня «механиком», на которого бронь не распространялась.

По глупости я пришёл в военкомат, меня военком спрашивает, был ли в армии, я солгал и сказал, что не служил, и тогда он послал меня записаться на третий стол. Да

зачем я послушался Цекуна и пошёл записываться. Мне надо было вернуться домой и жить спокойно неделю, а потом послать этого дурака взять меня на бронь. Ему, как представителю власти, поверят, а мне кто поверит? Смело можно утверждать, что Цекун и я – два дурака. Один послал в военкомат, а другой послушался и пошёл... а что такое третий стол? Это надо пройти военную подготовку и – в бой, на передовую.

...Мне ещё казалось, что мне могут приписать статью «немецкий приспешник», ведь я заплатил немецкой власти за старый магазин, из которого построил себе хату, к тому же перевёз на свою усадьбу колхозную кузню. Я допустил большую ошибку. Мне надо было переселиться в Яньково, куда меня звали и предлагали хорошую хату, чтобы я там жил и работал. Люди в Янькове хорошие, когда я у них работал, они меня ценили.

Петрович стал оценивать и анализировать своё поведение потом, когда сел за свои записки, а тогда?

Тогда Петрович, побывав в военкомате и ничего не добившись, с сумкой сухарей ушёл догонять мобилизованных пятавцев, которые уже находились в Клинцах. Ему пришлось примкнуть к группе мужиков из села Нижнего и села Халеевичи. По дороге остановились на ночлег в Селище. Папа решил сходить в Кустичи попрощаться с братом. Встреча была недолгой, Павел дал папе банку мёду, и папа вернулся вовремя в Селище в свою группу. Назавтра они были в Клинцах.

Пятовских мужиков папа нашёл в разбитом здании Красной больницы. Октябрь стоял холодный, все мёрзли, но папу спасала чёрная шуба из овчины, которую ему только что сшил местный портной.

А сапоги Петровичу принесла мама. Она пешком пустилась в дальнюю тридцатикилометровую дорогу до Клинцов. И

теперь я думаю, сколько же пережила наша мамочка с её нерешительным, робким характером, беременная Вовой на четвёртом месяце, разыскивая папу в переполненном людьми городе и не найдя его в строю за забором... и кто направил её в Красную больницу, и как скоротала она это короткое время свидания с папой, и как опять проделала тот длинный путь, обливаясь слезами и спеша к своим деткам... Но она разыскала любимого мужа и принесла ему сапоги... Я всегда плачу, когда думаю о ней.

«Я обулся в новые сапоги и носил их не менее года солдатом. Моя Моисеевна передала слова Цекуна, чтоб я вернулся домой, но я боялся, что меня посчитают дезертиром, так как я числился уже в списках мобилизованных, а напрасно! Надо было разом идти домой с Моисеевной, так как кругом неразбериха, паника, надо было вернуться и записаться на бронь... Тут я упорол роковую ошибку и пошёл страдать на два года...».

Нет, мой дорогой Петрович! Всё не так просто. Тебе бы действительно могли пришить дезертирство. Кто тогда бы разбирался в твоих поступках? Нет в списках, ушёл самовольно из части – ты дезертир, тебя на передовую, в штрафники – вот тебе и вся бронь. А могли и просто расстрелять перед строем и тут же закопать – показательно, в назидание другим. Война знает много таких случаев. Так что ты, Петрович, правильно сделал, что не ушёл с Моисеевной.

Дороги войны

Дороги войны начинаются для нашего Петровича от города Клинцы. Распрощавшись с мамой, отец переночевал в Клинцах ещё одну ночь, а на завтра его группа стала продвигаться в сторону Гомеля, ближе к передовым рубежам.

Первая ночёвка была в селе Ущерпье, вторая – в деревне Столбцы.

«Тут я услышал от образованного человека, что война продлится ещё два года, и я был потрясён такими словами. Я подумал, что мне не вернуться из этой мясорубки...».

И далее папа описывает трудности уже первых дней его службы на войне.

«Одна неделя, как я покинул Пятовск, и теперь нас пригнали поближе к реке Сож, где на противоположном берегу укрепился немец. Мы расположились в лесу, вырыли блиндажи, но от холода нас они не спасали. Ночь горит костёр, мы греем ноги, а днём изучаем миномёт и ручной пулемёт. В моей группе были халеевичские и нижнесельские мужики. Питание было никудашнее – котелок постного супа на день. Сухари мои закончились. Я стал худеть, так что ноги мои перестали ходить. Санрота направила меня в медсанбат. Он расположился в малой деревушке в трёх километрах от передовой. Там меня осмотрела врач, женщина в чине капитана, и предложила топить у них железную печку, видя мое состояние.

Питание здесь было отличное: жирный борщ, гречневая каша и кусок мяса. Моя мечта облегчилась. Я стал быстро поправляться. Молодой лейтенант обучает строевой ходьбе наш взвод в фуфайках, мы бьём ногами и кричим приветствие, а лейтенант говорит всем: «Громче кричите! Берите пример с Шерстюка!».

Да, поднабрал наш Петрович силёнок, но скоро всё изменилось. Начальство направляет его в изолятор к инфекционным больным.

«Носить утки – это работа мне не по мне. Я пошёл в хоззвод к старишине и объясняю, что я обучался ковке лошадей, что я ковочный кузнец. Лошадей в хоззводе двенадцать, он видит мою чёрную шубу и принял меня на работу ездовым. Я подвожу на кухню дрова и выполняю любые другие работы. Это был мой удивительный шаг, который спас мне жизнь. Ведь как кузнец я им был не нужен, там уже было два кузнеца, которые и обслуживали медсанбатских лошадей, я же числился как выздоравливающий и не входил в штат. Меня не отправили на передовую, видно, пожалел меня старишина...»

Так мы прожили в лесу большие месяцы, отпраздновали Октябрьскую. К реке Сож стали подтягивать войска. Все ожидали наступления и боялись бойни. Это была осень 1943 года».

«Вскоре пришёл приказ – наступать на Гомель, но раньше надо было форсировать реку Сож.

...Наступление было без артподготовки. Штрафники, бывшие полицаи, старосты и другие немецкие приспешники были первыми брошены под огонь врага. Немец с возвышения косил, как косой траву. Наши в фуфайках, пиджаках, – кто в чём – с винтовками, а многие и без них, бежали под немецкие пули с криками «За Родину! За Сталина – ура!» Многие пятовцы положили там головы, в наш медсанбат поступали раненые из Халеевич, Нижнего, Пятовска... Я много пережил, видя эту бойню.

Моя 397 дивизия пошла вперёд. Мы погрузили имущество на повозки и стали их догонять.

Проехали километров сорок и остановились на ночь в небольшой деревушке. Там было большое озеро. Старишина Дмитриев соорудил две гранаты и бросил их в озеро. Рыба всплыла. Мы набрали бочки крупной рыбы, а население сколько хотело – в корзины.

Мы следуем за передовой... Опять остановка на ночь в каком-то населённом пункте. Хозяйка варит уху, а я выпряг лошадей и стою с карабином на посту, беру из бочки сырую несолёную рыбу и грызу её. Наутро – дальше, вперёд на Киевскую область через Чернобыль и родину Кагановича деревню Кабаны. Подъезжая к Житомиру, мы увидели множество трупов солдат Красной Армии в фуфайках и пиджаках... как под Гомелем...

Наконец, мы догнали свой медсанбат в Ровенской области и остановились в деревне Милячи, где и прожили всю зиму 1944 года».

И тут я, пожалуй, буду строже придерживаться папиного текста, чтобы передать те драматические истории, в которых оказался Петрович на фронтовых дорогах.

История первая. Меня спас клочок сена

«Последовал приказ – привезти для кухни дров. Я запрягаю лошадь в такую же сбрую, как и у нас. В помощь со мной едет мальчуган 15-16 лет, еврей, по имени Матвей. Едем на двух подводах, зашли к леснику, покурили, потом наложили дров, возвращаемся. Матвей ехал вторым. На нашем пути узкая и глубокая речка, она замёрзла и покрыта лёгким снежком.

Только ступила моя лошадь на ледок речки, как она пробила этот тонкий лёд и оказалась в воде с оглоблями. Я схватил топор и стал рубить гужи, но гужи не поддаются, опять рублю... и сам оказался в воде, только голова плавает по поверхности. И тут я ухватился за примёрзший ко льду клочок сена, меня потянуло вверх, и я кричу Матвею: «Тяни меня, Матвей!» Он подскочил ко мне и вытянул меня за руки. Я побежал к леснику, сбросил мокрую одежду – и на печь. Долго я просидел на печи, пока высохла моя одежда. А лошадь вытащили солдаты другой части...

Моя жизнь висела на волоске. Клочок сена спас мне жизнь».

История вторая. Тиф

«В Сарновском районе Ровенской области в деревне Милчи наш хозвзвод выполнял самую тяжёлую работу. Передовая в семи километрах. Не выполнишь приказ – тебя тут же отправят под пули на гибель.

Хозвзвод разместился в заброшенной маленькой хатке. Старшина ремонтирует часы, еврей-сапожник шьёт сапоги для офицеров, жестяник делает вёдра, а мы, ишаки, таковых шесть человек, день и ночь выполняем тяжёлую работу.

Меня нагрузили работой по горло. Ночь стою на посту, а днём хороним, роём широкие ямы, а потом в них, как дрова, сбрасываем замёрзшие трупы по пятьдесят и более. Какая для меня была эта работа, моя душа болела, я не мог привыкнуть хоронить изуродованные трупы, но приходилось молчать, куда деваться, мне хотелось вернуться домой живым...

В мои обязанности входило ещё возить дрова, воду для кухни, сено для лошадей и прочее. Это было форменное издевательство. Только лёг поспать – через два часа тебя будят. И так каждый день.

Бои шли за город Столин, укреплённый немцами. Наша 397 дивизия наступала четыре раза и всё безуспешно. Артподготовки не было. Потери большие. В роте оставалось 10-12 человек. Но людей не жалели. Вместо убитых становились в строй молодые парни 27-го года рождения разных национальностей, бойцы гибли тысячами, и только весной 1944 года Столин флангами был взят с помощью другой дивизии – немцы бежали на Пинск. Тогда наша дивизия взяла город Сарны, ей было присвоено название Сарновской».

«Мне никогда не забыть эту деревушку Милчи...

...Подойшла весна 44-го года, растороп, пошла вода,

кони тонут в грязи. Нам надо было заготовить сено для одиннадцати лошадей.

В деревне Удрицк на затопленном водой лугу, это в семи километрах от нашего расположения, стояли стога сена. Мы работали бешено без обеда. Стомилися, уже вечер, где ночевать? Мы с Морковским из Житомирской области зашли в большую хату. Хозяин принял нас на ночь, но сказал, что постели нет. Он принёс и бросил куль соломы на земляной пол. Мы скоро уснули. Наутро я увидел, что моя нательная рубаха вся в блошиных пятнах. Блохи заразили меня и Морковского тифом.

Через два дня у нас с Морковским температура, а на третий день появилась на животе сыпь. Оказалось, что в хате, где мы ночевали, лежал на грубке старик, больной тифом. Нас направляют в армейский госпиталь в Дубно, в десяти километрах от Милчей.

Как проходила болезнь – я не знаю, был без памяти. Лежал как бревно, уколов не слышал. Когда очнулся, из палаты меня перевели на нары, там больных лежало десятка два. Зашёл начальник госпиталя, подошёл ко мне и говорит:

– Шерстюк, ты здесь?

– Откуда вы меня знаете? – спрашиваю его, называя по титулу.

– О! Ты тяжело болел, у тебя была температура 42, при такой не выживают, а ты, Шерстюк, молодец.

Моя жизнь опять висела на волоске. Выжил. А Морковский умер...».

История третья. Четыре километра по-пластунски

«Тиф дал мне осложнение на ноги. Мне было тяжело двигаться. Но лежать на нарах больше было невозмож-

но, я скучал. На обходе я попросил врача меня выписать, про ноги я ничего не сказал. Меня выписали.

По дороге мы с каким-то солдатом зашли к его знакомому, там нас покормили и дали выпить самогону.

Недалеко железная дорога. Мы погрузились на дрезину и проехали семь километров. Тут я вышел и пешком направился в свой медсанбат.

Прошёл двести метров – дальше не могу, отказали совсем ноги. Что делать? Попутчика нет, транспорта – тоже. Тогда я решил ползти. А это 3-4 километра.

Полз я пять-шесть часов. Дополз... И что же? Меня после такой страшной болезни, слабого, исхудавшего, уже через пару дней посылают стоять на посту с карабином 5-6 часов... ноги не хотят стоять, нет сил.

А аппетит бешеный. Мне не хватало той нормы, что давали на кухне. Хорошо, что выручали сослуживцы, они отдавали мне остатки недоеденного, я охотно их пожирал.

И вот однажды на посту меня сломил сон. Я зашёл в сарай, где стояли наши лошади, сел на сено и немного задремал. А в это время дежурный по части проверял посты, зашёл в сарай, забртал кобылу, взял вёдра и выходит во двор. Я слышу стук копыт, подхватился, отнял у него кобылу и вёдра.

Он доложил в штаб, меня вызвали, и начальник стал меня ругать. Я попросил слова и говорю: «Вы видите, какой я скелет, я переболел тифом, ноги мои совсем не хотят ходить...».

Тогда он посылает меня к врачу, а тот пишет освобождение на десять дней. Но на мою справку гады не обращают внимания и дают работу: то пасти лошадей, то помогать по кухне... приказ, если хочешь жить, – выполняй, война...».

История четвёртая. Спирт

«Я не был штатным в медсанбате. В любой момент меня могли бросить на передовую. Таких, как я, в медсанбате было десять человек. И вот пришёл медврач и забирает всю группу, в том числе и меня. Я ему говорю: «У меня болят глаза». Он отвечает: «Ну, ты ещё поживи у нас».

Опять меня выручили глаза. Белый билет, выданный в Яцковичах. Страшная война не давала пощады никому. Я видел, как гнали на фронт старых, ещё не вылеченных. Он хромает, у него нет силы, а его отправляют...

...Летом 44-го года наша дивизия расположилась под Белостоком. Пригнали молодняк 27-го года, их обучили, и поступил приказ – очистить от врага Прибалтику. Подогнали эшелоны, дивизию перебросили в Эстонию. Эстонию освободили, дальше на пути Рига.

Наш медсанбат расположился на дороге Псков – Рига. Латыши на лошадях едут домой из эвакуации. Они остановились на отдых возле нас и стали обедать. У меня было два куска хозяйственного мыла. Я прошу их поменять мыло на продукты. Но они его не взяли, а сала отрезали грамм триста. Другой латыш дал кусок колбасы, мыла не взял.

Мне стало известно, что шофёр привёз бочонок спирта. Спирт наша братва разделила: кто в ведро, кто в фляжку. Мне земляк из Погарского района Шморгун предложил в обед выпить, но я не сказал, что у меня есть хорошая закуска, и пошёл на кухню за супом. Так мы суп поели, а спирт спокойно лежал в вещмешке. Мы со Шморгуном лежим под кустами, и тут подошёл капитан Кучеровский. Без слов он проверяет мою сумку, затем Шморгуна. Достал флягу, понюхал и вылил под куст. Он был нервный, нам ничего не сказал.

Через час наши люди, кто пил спирт, стали кричать, падают и тут же умирают. Умер начальник штаба, мед-

врач, два старшины, а всех восемнадцать человек. Также из пехотного полка в наш медсанбат привезли двадцать человек, все они умерли. Нам пришлось всех их хоронить.

После такого случая начальника нашей части Крысина сняли, хотя он виноват не был, а прислали другого, по фамилии Шафиров.

Новый начальник меня оценивал хорошо, за то что выполнял жестяные работы: печки, вёдра и другие. Я заменил хорошего жестяника, который умер от спирта. За счёт моей профессии поднялся мой авторитет. Я отчитывался за свою работу, а он в мою книжку писал мне благодарности...».

История пятая. Белый хлеб

«На территории Литвы мы остановились в лесочке около еврейского кладбища. Ворота сняты, каплица раскрыта. В неё мы погрузили продукты питания, рядом соорудили кухню. Ещё было тепло. Повар варил завтрак. Я стоял с винтовкой на посту.

Мне повар Дулин говорит:

- Давай возьмём булку белого хлеба.
- Я не знаю, где он лежит, – отвечаю я.
- Я знаю, – говорит.

И он принёс булку на шестьсот грамм. Покрошил сало, и мы едим такову добычу.

В это время вышел из землянки второй повар и увидел, что мы едим белый хлеб, и доложил капитану интендантской службы. Я узнал, что будет допрос и говорю Дулину: «Будем говорить, что ели хлеб чёрный, но не белый».

И вот пришёл капитан и начал меня допрашивать:

- Вы кушали с Дулиным белый хлеб?

– Нет, – отвечаю, – ели чёрный, товарищ капитан.

Позвали Дулина. Тот сказал, что ели чёрный, но когда капитан стал на него кричать, Дулин испугался и сознался.

Доложили начальнику части Шафирову, тот отправляет Дулина на передовую, а меня – оставить на службе.

Через пару недель мы узнали, что Дулин убит. За кусок белого хлеба! Вот что такое война. Порядок должен быть, но послать на верную смерть за кусок хлеба, за папироску... на каждом шагу тебя стерегла смерть.

Мне отчасти везло. Моя специальность и то, что я был послушной, много раз спасали мне жизнь...».

История последняя. По дорогам Польши и Германии

«Это будет мой последний рассказ.

Из Прибалтики наша дивизия была переброшена под Варшаву. Наш медсанбат расположился в одной польской деревне. Конной упряжки теперь у нас не было, их заменили машины.

Мне был отдан приказ сделать для нового повара печку с плитой. Я приказ выполнил. Повар налил мне целый котелок вкусного супа. Я его съел весь, но я перегрузил желудок, начался понос. В это время команда грузит на машины имущество, а я сижу в туалете. Повезло: всех людей не забрали, но обещали прислать за нами ещё машину.

Вижу: мой земляк Шморгун с солдатом копают могилу для умершего солдата. Я к ним присоединился в помощь.

Немец бежит по 70 километров в сутки. А машины за нами нет. Кухни – тоже нет. Мы жили три недели, питаюсь картошкой из бурта польского крестьянина.

Наконец, комендатура определяет наш маршрут и даёт документ для польских властей, обязывающий их выделять

для нашего передвижения транспорт. К нам примкнула ещё группа, у них было какое-то имущество. Две подводы нас везут 50 километров, затем меняются. Хлеб давала комендатура, полячки готовили ужин.

Так мы проехали Лодзь, Познань – и везде трупы, трупы наших солдат. Добрались до границы Германии и обратились в комендатуру. Офицер объяснил нам, что нас, как и всех отстающих, на поезде отправят в тыл, в город Жездню.

Тут мы увидели много таких, как мы, оставших и подобранных. В комендатуре нас всех переписали: кто ты, почему отстал, какой части. А через две недели посадили нас в поезд и увезли в Германию в город Штутгарт. Здесь стоял запасной полк нашей армии.

Через неделю пришёл лейтенант нашей дивизии и забрал нас, 70 человек. Идём по немецкой деревне, удивляемся порядку, чистоте. Скоро увидели свой медсанбат. Я и Шморгун вышли из строя. Наш капитан Кучеровский доволен, что мы отыскались. Он передел нас в новое обмундирование. Мы видим, что наши ребята довольны, они сытые, ешь что хочешь и сколько хочешь.

И опять мне повезло. Начальник штаба, узнав, что мы вернулись, но не явились к нему с докладом, даёт распоряжение отдать нас четвёртому отделу, а это значит – передовая, бои, окопы. Капитан Кучеровский нас спас. Он рано утром пошёл в четвёртый отдел и выписал нас к себе. Я до сих пор благодарен этому человеку, который знал войну и боролся за жизнь каждого солдата.

Это был уже 1945 год. Наши войска приближались к Берлину. Мы знали: немцы терпят крах, война скоро закончится. Все ждали победы и дождались. Демобилизовался я только в конце сентября.

Два года этой жестокой войны для меня закончились.

И хоть жизнь моя часто висела на волоске, но я остался жив и не покалечен. Я много перенёс, смерть преследовала меня на каждом шагу, но хотелось жить, и я думал: «Буду страдать, но надо дожить до Победы, и тогда я вернусь домой. И теперь я торжествую, что я вернулся домой с такой страшной бойни.

Мне не хочется умереть бесследно. Если бы я обладал хорошей грамотностью, то написал бы большой роман. Но я не писатель.

И всё-таки я думаю, что мои рассказы о той трудной жизни, которую я прожил, будут интересны для моих потомков. Пусть они знают, как жили, работали, воевали, страдали их деды и прадеды.

Вы никогда не забывайте о своих корнях, помните о нас, поминайте нас, читайте мои «Записки».

Спасибо за всё.

Александр Петрович Шерстюк.

Село Пятовск. 1980 – 90-е годы».

«Треугольнички» Петровича

Два года воевал наш папа. Вместе со своей частью он прошёл Белоруссию, Украину, Польшу, Германию от восточной границы до Штутгарта. И, конечно, как и все солдаты, он хотел остаться живым и вернуться домой. Ему снился иногда, по его рассказам, «Пятовск и горящий уголь в горне».

Он нам писал очень короткие письма. Это были фронтовые незамысловатые треугольнички, когда листок бумаги таким образом складывался и на нём подписывался адрес, без конверта письмо доходило, треугольник не заклеивался, и его любовью мог прочитать. Сколько их я пропустила через свои ручонки, «работая» вместо мамы сельским почтальоном!

На папины письма обычно отвечала Настенька. Зная буйство фантазии своей сестры, легко представить, о чём она писала. Папа был в курсе наших домашних дел и сельских новостей. Мы же жили ожиданием его возвращения.

...В мае 44-го года родился Вова. Папа оставил маму беременной, того не зная, и вот тебе, Петрович, ещё один сынок, Володькой назвала его мама. Грудничок на руках.

Материнский инстинкт, любовь и жалость к куче маленьких деток заставили маму собрать свои силы, чтобы прокормить и уберечь нас от голода.

«Деточки, – вспоминаю голос мамы, – надо кормить корову, она спасёт всех вас...».

И мы с Настенькой рвали на огороде траву по несколько корзин к вечеру, утром пасли её на ранках, до утренней дойки, – весной и до поздней осени каждый день. Зимой дело обстояло хуже: где взять сена? Но мама уже имела некоторый опыт в 40-м году, когда с Мишей ночами ходили на колхозный коровник и набивали сеном мешки. Приходилось и теперь повторять ночные походы...

Колхоз подбрасывал каждому двору солому, тогда мама её мелко рубила, посыпала отрубями или остатками пищи, обливала кипятком и давала этот импровизированный корм нашей кормилице.

Плохо было с топливом. Торф, который мы кое-как нарежали на лугу, был пополам с землёй, в лес за дровами ехать было некому, выручал уголь, хранившийся в сарае, мы им согревались, добавляя его в печь или в «буржуйку».

Несмотря на трудности войны, мама с нашей помощью посадила огород, выросла картошка, капуста, морковь, редька, а с хлебом нам повезло. Одиннадцать пудов муки привёз нам дядька Павел, несколько мешков зерна подарили нянковцы, якобы за тот уголь и железо, которые оставил Петрович в их

кузнице, когда там работал. Просо папа закопал в яме, и теперь мы с Настей толкли его в ступе и получали пшено для каши.

Конечно, мама экономила на всех продуктах. Питание было скудным, ведь накормить шесть ртов не так просто. Когда запускалась корова перед отёлом, не было молока, жиров тоже нет, а дети просят еду, и как только наша мама находила выход из такого ужасного положения!

А налоги, которыми обложили каждый двор? Актив села ходил по дворам и назначал, сколько кому сдать зерна в посевной фонд, в самом деле, осенью надо было засеять рожь, а по весне – яровые и огородные культуры. Люди не сопротивлялись, все знали, что идёт война, что кормить армию и города могут только крестьяне.

Ещё хуже было с одеждой. В 43-м году школа открыла двери. Я пошла сразу во второй класс, сестра – в 7-й. Жаль, нет фотографий, запечатлевших внешний вид школьников. На мне была выкрашенная в чёрный цвет юбка из грубого мешка, на ногах бурки (по типу фуфайки на вате), на них – бахилы, которые клеились из автомобильных шин, а на плечах пиджачок, сшитый из солдатских портянок местным «кутюрье». Примерно так же была одета и семиклассница Настя. А сумки? Из домотканого холста. А чернила? Сок из свёклы в пузырьке. Вместо книги для чтения в моей сумке красовалось папино «Пчеловодство». Писали на обрывках газет, и только в мае дали по одной тетради.

В школе было очень холодно, нам разрешали бегать по коридору и сидеть на уроках в верхней одежде. Но у нас были прекрасные учителя: Ирина Ивановна Зубрицкая, Ольга Васильевна Лапчинская, Трусев Георгий Васильевич. Последний – это интеллигентнейший и эрудированнейший из всех, кого я знала в течение своей долгой работы в школе. Он оставил в моей душе неизгладимый след и всегда оставался для меня идеалом для подражания. Как он говорил! Прирождённый оратор,

способный высечь искру даже из самой закорженевшей души! Он знал наизусть всего Тютчева, «Евгения Онегина», сотни стихов других авторов. Он прекрасно пел, владел мандолиной, ставил с любителями сцены спектакли и играл в них главные роли.

Вот такие талантливые учителя в пору войны вели нас, сельских ребятишек, из класса в класс, большинство из нас потом продолжают своё образование в техникумах и институтах. Я горжусь своей маленькой сельской школой до сих пор.

Но самые тяжёлые воспоминания терзают мою душу, связанные с «похоронками» и 9-м Маем 45-го года.

Я выполняла мамину работу – разносила в своём селе почту. Все меня ждали возле калиток и молча провожали, если им не было святого солдатского треугольничка. Если же приходила похоронка, крики наполняли всё село. Плакали все, в том числе и те, в чьих домах за иконой уже лежала такая же похоронка о гибели мужа или сына, в голос причитала семья, получившая вот эту бумагу о трагедии, не пощадившей и их. Ещё одна беда, сиротство детей, страдания вдовы, убитое войной счастье...

Я спешила с фронтовыми треугольничками к другим людям, они разворачивали их и читали вслух, а моё детское воображение уносило меня в далёкую и ненавистную Германию, среди наших солдат я видела папу...

Я шла по селу и думала только о папе: «Папочка, вернись... Мы тебя так ждём... фрицы, не убивайте нашего папочку...».

Мы все тогда так и жили... надеждой и верой в день скорого конца войны.

И он настал, это день, – день радости и печали.

Стояло солнечное и тёплое утро. По радио Левитан объявил о капитуляции Германии. Кто-то кричал: «К школе на митинг! Война закончилась!» Я тоже побежала туда вслед за мамой.

На школьном дворе уже собралась толпа женщин. Директор школы Трусов стоял на возвышении без головного убора и плакал. Наконец, дрожащим голосом он начал говорить. Я до сих пор не могу забыть его пронзительной речи. Он поздравлял, он благодарил, он призвал всех поклониться павшим за Родину, за народ, за жён, матерей и детей, братьев и сестёр.

Какая там радость! Никто ещё не вышел из состояния оцепенения, никто ещё не мог осмыслить произошедших событий. Когда же оратор стал говорить о павших мужьях и сыновьях на жестокой войне, всё стали голосить, а Торолиха громче всех закричала:

«Ваши-то вернутся, а мои Авсей и Степан сложили свои головушки... о-о-ой... Боже ж ты мой!»

И никакого праздника не было. Была всеобщая скорбь и безмерное горе людей, потерявших покой и светлую надежду на счастье и благополучие семей.

А я долго ещё носила треугольнички из Германии, извещения на посылки, толстые конверты с немецкими яркими открытками. Петрович писал теперь пореже, но две посылки он тоже прислал. Помню, там были наряды для любимой дочери папы: красная шёлковая кофточка, чёрное платьице, комбинация, которую Настенька носила на танцы, приняв её за сарафанчик, туфли, отрез штапеля и некоторые другие вещички. Конечно, папе доставалось то, что никому не было нужно, но нам всё присланное казалось прекрасным, мы радовались и верили в скорое возвращение нашего Петровича.

Петрович вернулся домой

Прошло уже более четырёх месяцев со дня окончания войны, а папы всё не было. Мама не раз ходила к поезду и всякий раз возвращалась одна очень расстроенной. Наконец, папа на-

писал, что специалистов по металлу, в том числе и его, «бросают на ремонт техники».

Петрович вернулся только в конце сентября 1945 года. Помню, тогда на пнях в конце нашей усадьбы было великое множество опят.

...Мама по привычке выглянула в окно и увидела идущего по лугу отца. Испугалась, заплакала и села на табуретку.

«Деточки, батька идеть!», – сказала она и подхватила Вовку на руки. А Валик и Шурик спрятались на печи.

Вошёл папа в шинели и с мешком за спиной. Молчание. Тишину нарушил Петрович:

«А это какой мальчик? Володька?» – и он протянул к нему руки, но Вовка прижался к маме и испуганно закричал. Шурик и Валик забились в угол на печи. Тогда папа развязал вещевой мешок и достал полбуханки белого хлеба, кусочки рафинада в пакетике и сказал:

«Слезайте с печки, вот я вам гостинца привёз, по дороге у зайца отнял!», – и он разрезал булку на куски и дал всем по одному...

С этих пор началась новая жизнь – трудная, послевоенная борьба за кусок хлеба, но нам теперь не было страшно: у нас был папа, наш Петрович.

Папа же «мечтал» о привычном труде в кузнице, его душа и руки просились к наковальне, люди ждали Петровича, радовались его возвращению.

Назавтра папа привёз от друга Ореховича, у которого он переночевал, неподъёмный ящик с инструментом и часы с боем. Мастеру не нужны были поношенные немецкие тряпки, он собрал для своей будущей работы самый нужный инструмент***.

Кузницу колхоз поставил над лугом, и тут же вокруг неё вы-

строился ряд разбитой техники. Потекла очередь баб с лопатами и топорами. И опять стучат молотки по наковальне, дышат мехи, и в белое яркое пламя чёрные папины руки бросают тяжёлый металл, чтобы отковать из него ось для телеги, вал для жатки, рессоры для повозки и сделать много других трудоёмких поковок. И так каждый день с утра до вечера...

Но сколько бы ни работал наш Петрович, он не мог достойно обеспечить семью. Тася училась в городе, её нужно было одеть, обусть, заплатить за проживание на частной квартире. Валик и Шурик вот-вот пойдут в школу, я готовилась к поступлению в педучилище.

«Я работал бешено. Колхоз силу ещё не набрал, получка на трудодни была бедной, денег не платили... а тут ещё нашёлся враг Петун, он предписал мне выплатить сельсовету восемь тысяч рублей второй раз за построенную при немцах хату. Я уже заплатил четыре тысячи волосости при оккупации. Но эта собака хотела выгнать мою семью на улицу, районные власти ему этого сделать не разрешили. Тогда он создал другой метод, заставил платить нас по второму разу, и мы заплатили. Я опять допустил ошибку, что не обратился к юристу, я не знал такого закона сверху, что вторичной плате лица не подлежат».

Папа работал по двенадцать часов, питание было скудным. Утром яичница. в обед тарелка супа и сладкий чай, вечером примерно то же самое. Ни мёда, ни жиров, ни даже белого хлеба у нас не было. И его болезнь – язва двенадцатиперстной кишки – резко обострилась.

«Ещё в 1940 году анализы Стародубской поликлиники показали, что у меня повышенные кислоты, рентген обнаружил язву, врач предлагал операцию, но я отказался. Лечиться я не лечился, только был один раз на курорте в Пятигорске в 1950 году. Приступы мучили меня перед сном. Я ползал, кричал минут двадцать, потом боль утихала, я засыпал, но болезнь не спит, она будит меня опять».

Каждая ночь была мучительной, а утром я как будто здоров, иду на работу.

В это время колхоз укрупнили, из шести образовали один. Я обратился к председателю колхоза Матвеевко с просьбой выписать мне два пуда пшеницы в связи с болезнью, но он отказал. А силы мои слабеют, мне нужна диета, а её нет.

И тут мне посоветовала одна женщина переехать в рабочий посёлок Рассуха, это примерно в пятидесяти километрах от Пятовска. И я решился, так как понял, что мой труд здесь не оценён, мне, больному человеку, прожившему в этом селе около двадцати лет, участнику войны, специалисту, заменить меня некем, и председатель отказал мне в такой ерунде – выписать полмешка пшеницы? Я не мог пережить такой обиды и решил отсюда уехать...».

Послевоенная деревня работала на государство. Выкачивали всё, колхозникам на трудодни выдавали крохи, кроме того обязывали всех платить налоги и подписываться на облигации. Помню, у наших мальчиков было по одной рубашечке, одна шубейка на двоих, до холодов в школу ходили босиком.

Мама была вся поглощена домашним хозяйством, огородам, коровой, держали и поросёнка, а потом завели и гусей, которых пас на лугу Шурик – послушный и исполнительный мальчик. Я в это время в 1949 году окончила семь классов и поступила в Стародубское педучилище, а старшая сестра вышла замуж за моего учителя немецкого языка Василия Васильевича и уехала с ним и маленьким Юрой в Новое село, куда он был назначен директором школы.

Теперь в школе в начальных классах учились все наши мальчики. Петрович гордился своими способными детьми, но нужно было думать об их дальнейшем образовании... И сколько слёз пролила наша мамочка, посылая своих птенцов на учёбу в далёкий Донбасс, на Украину, в горный техникум, – ведь там стипендия была повыше – 350 рублей...

Они уезжали на учёбу уже из Рассухи.

Жизнь в Рассухе

1953 год.

Папа продал за девять тысяч рублей нашу хату и купил за четыре тысячи маленькую избушку в Рассухе. Она стояла у самого леса, так что было чем любоваться: кругом царственный лес, пение птиц, свежий воздух, чистая вода. Но это бедное и жалкое жилище нужно было хоть как-то благоустроить: пристроить к хатыне нечто вроде коридора, заготовить в зиму сено для коровы и устроиться папе на работу.

К этому времени я закончила педучилище и с дипломом приехала в Рассуху, а затем я отослала документы в Смоленский пединститут, где и была зачислена без вступительных экзаменов на филологический факультет.

Сестра и мама просили меня ехать на работу и продолжать учиться заочно, но Петрович сказал: «Мы не сможем тебе помогать деньгами, но, если ты хочешь учиться дальше и проживёшь без нашей помощи, учись, это хорошее дело». Поддержанная в своём решительном поступке папой, я с фанерным чемоданом и в стоптанных полуботинках уехала на учёбу в Смоленск уже из Рассухи.

Папа, освоившись на новом месте, нашёл себе работу в деревне Шапочки, в трёх километрах от дома. Эта была временная работа, но папе хорошо заплатили: кроме денег, он привёз сена для коровы, лес для сарая.

Но нужна была работа стабильная и хорошо оплачиваемая. Папа хотел устроиться в МТС, там потребовали справку с последнего места работы, и папа отправляется за нею в Пятовск.

И тут судьба опять Петровичу улыбнулась. Новый председатель колхоза Зенкевич предложил папе работать в Пятовске по договору. Для него это был самый лучший вариант:

И опять Пятовск

«Это 700 рублей и питание: мясо, молоко, масло, крупа и другие продукты. Питание было отличное, я окреп, стал набирать силу, с работой я справлялся, меня полюбил председатель и предложил написать заявление на прибавку ещё 200 рублей в месяц, но я подумал, что меня кормят, зарплата неплохая, и я не подал заявления. А теперь называю себя дураком, добровольно отказался от повышения зарплаты».

Так мы врозь с папой прожили в Рассухе три года – с 1953 по 1956 год, а папа работал в родном селе.

Я училась в институте, Валерий и Шурик в горном техникуме в Красном Луче, а Вова продолжал учиться в школе.

Все три года жизни в Рассухе были очень для мамы и детей тяжёлым испытанием.

Когда я приезжала на каникулы, я сразу же включалась в работу. Самое трудное дело – это заготовить сено для коровы. Мы с мамой шли в лес, жали серпами вокруг кустов траву, выносили её на полянки, высушивали, а затем по лесным колдобинам на тачке привозили сено домой. Это была мучительная работа, но другого выхода не было, без коровы прожить было невозможно.

Вторая трудность – это заготовка дров. Лес начинался от нашей хаты. Шурик брал топор и уходил в лес. Кроме дров, он приносил на своих мальчишечьих плечах брёвнышки, и за лето набралось их столько, что срубили сарай.

Мама ездила к папе и привозила от него муку и крупу, но вскоре она восстала против столь долгой отлучки папы. До неё дошли слухи, что Петрович стал навещать одиноких женщин в деревне Яньково. Я не присутствовала при выяснении ими отношений, но мама умела всегда настоять на своём, поэтому лёд тронулся... и папа решил забрать семью и построить новое жильё в Пятовске. Опять переезд, продажа избы, сборы, дороги, нервы... и как только мои милые родители всё это перенесли и выжили...

Петрович за время своего проживания в Пятовске сменил четыре хаты, и теперь ему предстояло строительство пятой.

Осень и зиму папа, Вова и мама прожили в какой-то лачуге в Янькове, а по весне из брёвнышек, которые наносил Шурик из леса в Рассухе, заново сложили сарай, и мы, приехав на каникулы, прожили в нём лето, пока строился тот маленький домик на улице Гришевка, в котором прожили родители до самой смерти.

Петрович купил старую избу у Лямцевой Татьяны, к ней прикупил брёвен, сложили фундамент и поставили на нём совсем небольшую избу. Вова её обшалевал и покрасил в голубой цвет. Крыша была поначалу соломенной, и только лет через десять солому заменили на шифер. Самое интересное в этой ситуации то, что шифером накрывала крышу я. Папа подавал мне на крышу листы, а я прибавала их гвоздями к доскам, положенным на стропила. Получилось. Папа уже не мог выполнить эту работу на высоте.

Затем Саня Надточеев поштукатурил хату изнутри, дядька Фёдор сложил печь, и мы начали жить в новой хате. Правда, мы приезжали сюда только на каникулы или в отпуски, но мы всегда знали, что этот маленький домик согреет и защитит нас, потому что он единственный у нас Отчий дом, и стены его такие тёплые и добрые, и там особая земля, по которой бежишь босиком, и там запахи свежескошенного сена на чердаке, и мелкая журчащая речушка около нашей усадьбы...

Теперь Петрович опять вступил в колхоз и за палочки-трудодни работал в кузнице. Корову они продали, но коз, поросёнка, уток и кур держали. Мама то заводила какую-то живность, то легко с нею расставалась: козы вредные и капризные, утки прожорливые, но вот поросёнка и кур держали всегда.

Так и жили наши родители теперь уже в одиночестве.

Я после окончания института уехала на работу в город Рославль, Валерий и Шурик окончили горный техникум и после двухлетнего трудового стажа продолжили учёбу в вузах, Вова, окончив Трубчевский лесотехнический техникум, получил назначение на работу в Ригу, а через год укатил в Питер на дальнейшую учёбу тоже. Лишь Тася жила в селе Новом и трудилась в школе вместе со своим мужем, родители бывали у них, и это скрашивало их жизнь.

К этому времени в середине семидесятых годов экономика колхозов укреплялась. Колхозники получали на трудодень не только плату натурой, но и рублём – рубль на трудодень.

Когда же пришёл пенсионный возраст, Петрович получил пенсию – сначала 12, потом 20, затем 28 рублей, но со временем она выросла у мамы до 45, а у папы до 60-100 рублей (точно не помню). Папа рад, он пишет:

«Такова пенсия дала нам возможность накапливать деньги и ложить их на сберегательную книжку. Нам хотелось хоть немного собрать денег на похороны и детям. Мы не могли все их израсходовать в деревне. Вот только об одном сожалею: в какой хате я прожил жизнь, мой труд не оценён по справедливости, меня как специалиста сравняли с рядовой колхозницей и по оплате моего труда, и по пенсии...».

Вот к такому разочарованию пришёл Петрович к своему 80-летнему юбилею.

Путешественник

Культурный уровень нашего Петровича был несравненно выше, чем у его ровесников – односельчан. Он стремился к знаниям и при всём его образе жизни проявлял повышенный интерес ко всему новому.

Любимой газетой Петровича всегда были «Известия». Выписывал он её из года в год, вечерами читал и обсуждал с мамой новости. Прочитал книгу «Деловая Америка» и выписал в тетрадь поразившие его достижения американцев. Любил красивые вещи – картины, посуду, хорошие дома...

Он любил «проехать, увидеть другой мир», – города, выставки, музеи, покушать вкусные блюда, пообщаться с интересными людьми.

Во время прохождения военной службы он узнал Западную Белоруссию, Украину, Польшу, прошёл с востока на запад Германию. Петрович рассказывал нам об увиденных чудесах и переживал за отсталость России, приговаривая: «Да... Матушка Россия... далеко ей до Европы...».

До войны папа не раз ездил в Москву за покупками и привозил со вкусом купленные вещи, а после войны бывал в Риге, Луганске, гостил два раза у своей сестры Прони в Николаевской области на Украине, бывал не раз у меня в Рославле и у Шурика в Москве.

Мне запомнилась поездка Петровича в Красный Луч к сыновьям в 1958 году. С собой он взял чемодан чеснока, чтобы там его продать и оправдать хотя бы дорогу. Но планы его не осуществились. Чеснок еле продал по дешёвке, покупок сделать было не за что, до сестры доехать не пришлось. Зато Петрович с сыновьями сфотографировался, и теперь мы любимся им и мальчиками – все молодые, красивые – папе было только 56 лет.

Папа мечтал встретиться со своими сёстрами, они жили в селе Кущиновка Николаевской области. Не помню, в каком это было году, но мама была ещё жива, как неожиданно папа собрался и поехал к родным сёстрам в глухую деревню на Украине.

Сколько они не виделись? Не менее сорока лет. Проня и Феодосья уехали из Кустич в голодные тридцатые годы, когда все были молодыми и здоровыми, а теперь вот встретились стариками.

Папа познакомился со всей семьёй сестры. Это старший сын Пётр, дочь Катя и ещё двое или трое племянников. Жили они в разных местах, поэтому папу возили по гостям в течение двух недель.

Вернулся папа под впечатлением поездки разочарованным.

«Всё у них примитивно. Хатки маленькие, бедные, еда скудная, культура низкая. Ноги утопают в грязи после дождя, молодёжь убегает в город. Один племянник работает учителем, другие малообразованные, отсталость и бескультурье...».

Мама ревниво относилась к папиным поездкам на Украину. В той же деревне Кушиновка жила «папина полюбовница» из Гаськова, к которой в молодости сватался папа, но он её уже не застал в живых. Папа привёз фотокарточку тётки Прони, она похожа не на папу, а на Павла, а её дети очень симпатичные – черноглазые, с красивой улыбкой. Катя приезжала в 44-м году к нам, а фото 1939 года Петра хранится у меня до сих пор.

Так что Украина не произвела хорошего впечатления на папу.

Зато Рига поразила Петровича чистотой, памятниками, обилием товаров в магазинах. Папе не нужен был проводник, он изучал город сам. Уезжал на трамвае в старую Ригу, ходил по «средневековым» улицам, знакомился с достопримечательностями города, примыкая к группам туристов, посещал музеи и Домский собор. Возвращался одухотворённым и счастливым.

Вова возил маму и папу на взморье, в кафе, на концерт. Нина – очень гостеприимная и бескорыстная невестка. Она отдавала все силы, чтоб угодить гостям. Потом Вова расстался с ней, но я до сих пор высоко ценю её доброту и буду с любовью к ней относиться до конца жизни.

Петрович отдыхал в доме отдыха «Вьюнки» в 1959 году, лечился в санатории в Пятигорске в 1963 году, он любил путешествовать, всему новому удивляться и от этого получал огромное наслаждение, но бедность, тяжёлый труд, постоянная

борьба за кусок хлеба превращали жизнь в недостойное для него жалкое существование.

Папа вышел на пенсию после шестидесяти лет, но ещё какое-то время председатель колхоза просил папу выполнять сложные работы то для зерносушилки, то для крупорушки, то для коровника. Конечно, он шёл на работу с удовольствием: его ценили, с ним считались, он оставался для всех уважаемым Петровичем.

Семь лет без мамы. Болезнь

Мама умерла в 1978 году от сердечного приступа. Ей было только 72 года. Последние годы она тяжело болела. Лежала у меня в Рославле в железнодорожной больнице, рентген показал на сердце следы инфаркта, потом лечилась в Стародубской больнице, но радикального лечения она не получила и потихоньку угасала.

И как ей, бедолаге, удалось прожить ещё столько времени... родила семерых детей, вырастила шестерых, пряла и ткала, варила и обстирывала всех, сеяла и сажала огород, кормила скот, гусей, уток, кур, пережила два тяжких года войны, когда папа был на фронте, а она одна тащила на себе и детей, и корову, и огород, и несла в душевечке своей печаль и страх, надежду на возвращение хозяина и отца в родной дом...

Она была красива, вот только не во что ей было одеться: Ни обуви, ни нарядного платья, ни пальто... Если и были какие-то вещички, она их продала, чтобы послать что-то детям, которые учились тогда за тысячу километров от дома. Для нас она была самой дорогой и бесценной мамочкой...

Смерть мамы была величайшим горем для всех нас. Петрович остался один и прожил без неё ещё пятнадцать лет. Какими для него были эти годы? Он страдал и жил только ожиданием приезда детей. Правда, надо отдать должное старшей

сестре Анастасии. Она приезжала к нему в каждую субботу и привозила продукты, забирала к себе домой грязное бельё, перемывала посуду и убирала в доме. Спасибо ей за это! А я приезжала на каникулы три раза в год и жила с ним, чему он был очень рад и приговаривал: «Вот пожил, так пожил!».

Но тут случилась большая беда. Я видела, что папа резко похудел, потерял аппетит, жаловался на упадок сил, но никому и в голову не приходило, что папа смертельно болен.

Папа заболел туберкулёзом лёгких. Он заразился от Малая, навещавшего Петровича с бутылкой самогона, как же: общий стол, общая посуда... в общем, передвижная установка рентгена, которая приезжала в Пятовск каждую весну, выявила у папы каверну в лёгких.

Стародубская поликлиника подтвердила диагноз на тёмном рентгене и дала направление в Брянский тубдиспансер, но я его взяла к себе и устроила в такой же, Рославльский.

Но об этом папа расскажет сам.

«Лечиться начал 3 мая 1984 года. В больницу привезли меня полумёртвого, я просил у Бога смерти. Но скоро появилась мысль другая: я хочу жить. Аппетит стал отличный, я всё пожирал, что давала больница, да ещё приносила Маша прибавку: творог, сметану, курятину, груши, виноград. Я стал быстро набирать вес: поступил с весом 52 кг, а через два месяца – 60.

Рентген показывает хорошие результаты. Нисколько не скучаю, гуляю в парке, играю в карты, веду беседы с хорошими ребятами.

Но тут я совершаю ошибку. 9 августа Шура приезжает на машине, и меня врач отпускает на недельку из больницы. Шура повёз меня и Машу в родное гнездо.

Приехали. Я рад, что увидел свою улицу, соседей. И тут

приходит почтальон и просит меня сделать ей цапку. Я пообещал, что к завтраму будет готова. Но когда я подошёл к наковальне, то увидел, что она лежит на земле вместе с колодой. Я пытался её поднять, но вес в 50 кг мне был не по силе, нажался ещё раз – не получается. Тогда я попросил Шуру, он её поставил на место.

А наавтра я не мог повернуться, разболелась спина.

17 августа мы покинули Пятовск, но в больнице стала болеть и спина, и нога, так что я не мог дойти до туалета, еду мне носили в палату.

Пригласили невропатолога, тот прописал уколы и сказал, что пройдёт. Маша достала добрых таблеток, хожу на прогревание. Лечили и спину, и лёгкие, а 9 января меня выписали, я жил у Маши всю зиму, до мая месяца.

Время прошло без тоски. Я делал прогулки по городу, мне всегда была баня, чистое бельё, вечером телевизор, днём читаю книги...

Только одна мечта мне не давала покоя: как дожить старость, близких родных в Пятовске нет, соседи добрые, но чужие, да и болезнь гадкая, люди будут сторониться – палочка Коха дала мне туберкулёз.

В начале мая Шура привёз меня домой, и тут помогли мне дети и соседка Мария Николаевна...».

И ещё семь лет жизни. С Прокоповной

Да, действительно, как папе жить одному после такой болезни и такого тяжёлого лечения? Он не хотел уезжать «из своего гнезда» и от «добрых соседей» и тем более менять привычный образ жизни. И тут нам всем повезло. Мария Никола-

евна, пенсионерка-учительница, предложила написать письмо Прокоповне, нашей соседке, которая, овдовев, жила у своей дочери на посёлке. Дошли слухи, что она не ладит с дочерью и очень скучает по Пятовску. Мария Николаевна в письме предложила ей вернуться в родное село и жить с Петровичем. Не дожидаясь согласия на то папы, Прокоповна погрузила свой сундук на телегу и явилась в Пятовск. Пришла к папе и сказала: «Давай, Петрович, жить вместе, мы поладим».

А Петрович и был этому рад: «Будет в доме человек, хозяйка, работница». Он согласился, все мы были довольны тоже.

Так в жизнь нашего папы вошла Прокоповна****.

Что можно о ней сказать? Неграмотная, тёмная, она вряд ли подходила папе по интересам. Кроме того, она была вспыльчивой, материлась и вечно ссорилась с соседями, но других вариантов не было, и папа смирился с тем, что есть.

Однако нельзя в человеке видеть только плохое. Прокоповна была доброй, нежадной, работающей женщиной. Она в образцовом порядке содержала огород, в доме было чисто, бельё всегда в тазу кипятила, она завела хозяйство – куры и поросёнок были накормлены, а «вот по кулинарии слабовата», замечал наш гурман папочка. Он привык есть мало, но вкусно, а Прокоповна вскипевший суп могла долить холодной водой... разве будет папа есть такую собачью похлёбку? Он только и жил от одного приезда Таси до другого, когда та или привозила готовую еду или тут же варила им борщ на несколько дней.

С всеми нами Прокоповна была приветливой, всегда провожала меня до автобуса, а мы привозили ей подарки, обращались с ней ласково, и ей, не видевшей в жизни ничего хорошего, было это приятно, она стала мягче и спокойней, а себя называла нашей мачехой.

Так и прожил папа с Прокоповной семь лет, потом в 92-м году она заболела, отказалась от еды, и в мае, когда мы при-

ехали отметить папе девяностолетие, она умерла на моих руках – тихо, беззвучно, вздохнув два раза.

Папа прожил после неё только восемь месяцев, но об этом скажу чуть позже.

Юбилей

Был ли у папы более счастливый день в жизни, чем 24 мая 1987 года?

В этот день ему исполнилось 85 лет, и в его гнездо, как он любил называть свою хатынку, прилетела стая птенцов по зову сердца – его дети, внуки и правнуки...

Любимая старшая дочь Настенька с мужем Василием Васильевичем, сыном Юрой, невесткой Таней и их детьми Наташей и Игорем, Вова со всей своей семьёй – женой Ниной и дочерьми Леной и Аней, Валик с дочкой Алёной, Шурик с Настей, я с Гришкой. К Прокоповне приехала её внучка.

Папа был растерян от такого сюрприза. Застолье получилось шумным, богатым вином и закусками. Речи – тосты всех гостей были радостными и искренними. Все желали Петровичу здоровья, долголетия, светлых дней до конца жизни.

Ответная речь папы была, к нашему удивлению, самой яркой, трогательной, эмоциональной. Я не могу передать её интонацию и оригинальность, но смысл её и логику я запомнила как-то легко.

«Я много жил и много пережил, не дай Господь вам это видеть. Работать я начал в 14 лет с батькой в кузне, а в 16 стал работать самостоятельно. Вся моя жизнь отдана горну, молотку и железу. Я работал с утра до вечера без выходных, чтобы побольше заработать для семьи, обслуживая одновременно несколько колхозов. Я построил несколько хат, менял местожительство, мой труд был ценным, меня уважали все люди в округе.

Три раза я призывался на военную службу, но последняя война была самой страшной, я был не один раз на волоске от смерти, но моя профессия помогла мне выйти живым из этой бойни.

У нас с Моисеевной родилось семеро детей, двое умерло, но вы, пятеро, получили высшее образование, всеми вами я горжусь.

Вы не забывали нас никогда, помогаете нам, приезжаете с подарками, у вас хорошие семьи, а у меня прекрасные внуки и правнуки. Вот только до сих пор не могу простить себе, что не задержал своего старшего Мишеньку, ему было только 17 лет, а он не бросил свою бригаду и уехал на фронт, он погиб от немецкой бомбы под Сталинградом... я переживаю эту беду до сих пор и не могу его забыть.

Да... жизнь моя была жалкой. Посмотрите на эту хату. Разве я за свой труд не заслужил хорошего дома? В Кустичах, когда я работал на себя, моя постройка была лучшей в селе, работа же на колхоз давала возможность только сводить концы с концами.

Я жил так, как смог. Вы сами знаете всё. Спасибо всем вам, что вы приехали ко мне, за ваше тепло и заботу обо мне».

Потом мы пели и танцевали под игру Таси на аккордеоне. Не выдержал Петрович и тоже пустился в пляс... Вот и фотография сохранилась...

А я сидела на скамейке в саду и думала:

Бедные мои родители! Вы пережили голод, коллективизацию, нищету, войны, вы вырастили шестерых детей и отправили их в далёкие края за образованием, оберегая их от колхозного беспаспортного рабства, вы не знали санаториев и курортов, вы не видели иной жизни, кроме деревни, трудоёмких ра-

бот на земле и в кузнице, и как это тяжело прокормить корову, вырастить поросёнка, стадо гусей, добыть топливо, натопить избу, постирать бельё в ледяной проруби – как тут не изнаситься маминому сердцу, не нажать ревматизма рук...

Мама не знала летней обуви и ходила по траве и пыльным дорогам босиком, а на фотографии 36-го года в июле месяце она сидит в грубых сапогах из сыромятной кожи... Стандартным видом одежды для отца и матери была телогрейка – фуфайка, пиджак из грубого сукна, валенки с бахилами, грубые тяжёлые сапоги... и только тогда, когда у нас появилась возможность помочь им продуктами или одеждой, мы делали это с радостью. Папа – молодец, он вот дожил до девятого десятка, а мамочка умерла так рано... и душа моя всегда полна тоски и жгучей боли...

После трогательного юбилея жизнь Петровича потянулась по накатанной колее. Жить с Прокоповной ему было веселее, но силы таяли у обоих, пришла слабость, беспомощность, болезни, и в мае 1992 года умерла Прокоповна, а спустя восемь месяцев вслед за ней ушёл и Петрович.

Последние 26 дней

Последние 26 дней своей жизни папа провёл со мной. Когда, приехав к нему на Новый 1993 год, я увидела, что папа не ест и двигается с трудом, я вернулась в Рославль, оформила отпуск без содержания и оставшиеся дни в жизни папы скоротала с ним.

Папа угасал медленно. Правильно определил врач из тубдиспансера, что папа умрёт не от туберкулёза, а от разрушенных лекарствами почек. Из него выходила вонючая тёмная жидкость, он ничего не ел, кроме сладкого сиропа от компота из груш. Он не потерял памяти, мышление его было ясным, папа больше философствовал и восхищался продолжительнос-

тью своей жизни. Вслух рассуждал о том, что видел в своей жизни, сколько пережил, сколько перековал железа, рассказывал о фронтовых лишениях, о своей молодости, приключениях, любви, женитьбе, людях, которые его окружали. Мы с ним беседовали подолгу, он не боялся смерти и лишь просил меня не уезжать, не похоронив его.

Петровича навестили его друзья: Коля Романов из Днепровки, Пашка Белякова, Саня Стецкий и многие другие. Папа был уже слаб и сказал, что он умрёт через три дня.

Так и произошло. В ту последнюю ночь на 26 января 1993 года он не спал, попросился на «горшок» и, когда я его подняла, он потерял сознание и упал на мои руки.

К утру он перестал дышать. Я зажгла свечку, молилась и плакала, и вся жизнь моего папочки в картинках пронеслась в моей голове.

На рассвете я позвала соседей, они помыли, одели покойника, заказали и привезли гроб, мясо, водку, и я стала ждать оповещённых братьев, Гришу, семью сестры... Приходили попрощаться соседи, знакомые и друзья Петровича.

На третий день приехали дети, тут мы его и схоронили рядом с мамой и Прокоповной. Вера Новикова, моя одноклассница, приготовила еду и накрыла поминальный стол.

А через день, погрузив на машину кой-какой скарб, мы уехали в Стародуб, чтобы ещё раз помянуть папочку и разъехаться по домам...

Папа просил меня схоронить его тихо. Я была бессильна пригласить священника или оркестр. Стоял мороз, поддувало, поехать за ними было некому, но я выполнила все нужные требы в Рославле: отпевание, поминки, освятила землю, чтобы рассыпать её на могилке...

Прощай, Петрович! Прощай, незабвенный наш Отец!

Перечитывая письма Петровича

Папа очень любил писать письма. В годы войны от него регулярно приходили фронтовые треугольнички. А в обычной жизни он переписывался со мной, с сыновьями, племянницей Наташей из Ростовской области, сестрой Проней, жившей на Украине с 1932 года, и другими, кто проявлял интерес к нашей жизни.

Надо сказать, что, несмотря на двухклассное образование, папа писал довольно грамотно и красивым почерком, а мысль выражал последовательно и логично. В конце своего письма он обязательно расписывался.

Письма его были содержательными и интересными. В них он описывал сельские новости, подробности своего быта, впечатления от поездок дальних и ближних, давал советы, иногда обращался со своими очень скромными просьбами. Письма Петровича всегда были оптимистичными, он никогда не жаловался на тяжесть жизни, никого не осуждал и верил в наступление лучших времён.

У меня сохранилось более пятидесяти его писем 60 – 90-х годов. Я часто их перечитываю – в них его душа, его золотое сердце. Вот некоторые фразы из них.

«Люди меня уважают, я их тоже. Такая жизнь для меня ценна».

«...купил 15 кг крахмалу. Приедешь – научишь меня из него готовить. Всё у меня есть: мука, крупа, мясо в банках, покупаю масло и сметану. Живи и радуйся. Вот только годы ослабили мою силу. Не могу быстро ходить, носить сумку – одышка, слабость в ногах. Иногда падаю...».

«...я очень стар, а жить ещё хочу. Государство даёт хорошую пенсию участникам войны, меня жалеют дети и внук Гриша, недавно прислал мне посылочку. Спасибо ему».

«Живу я прежним ритмом. Вот только пережил грипп».

в тяжёлой форме, да ещё упал, забил рёбра, такую беду переживал полтора месяца...».

«На Победу приехали Валик и Шурик. Они сделали мне забор, калитку, поправили холодильник. Куры теперь не ходят на гряды...».

«Вчера был в Почепе. Купил 5 пар валенок. Надо послать две пары на Украину, просили купить самосвалки».

«Моя поездка на Украину к сестре была любопытной. Жил я там у сестры и родственников в малых деревеньках дворов на 30 – 45. Люди незнакомые, их язык глушил мои уши. Мясо ел птицы, самогон каждый день, была и «русская».

По содержанию культуры хохлы стоят ниже Брянщины: бань нет, моются в корыте, садов и гряд нет, деревьев – тоже. А телевизоры в каждой хате, в хатах тоже чисто.

Сестра подвижна, ей 75 лет, а она лезет на чердак, как кошка, варит, стирает, кормит свиней и 40 гусей, телёнка и корову.

Это моя последняя поездка, ну их к чёрту, этих хохлов...».

Иногда папа выражал свои мысли витиевато. Как-то он мне написал:

«Я польщён вашими успехами в деле подвига научных основ».

Это лишь крупички из писем Петровича, по которым можно судить о его пристрастии к словесности. Он сожалел о своей малограмотности и говорил мне: «Я мог бы написать о своей жизни большой роман...».

Но и сохранившиеся письма, и особенно записки, им оставленные, – это и его подвиг, и наша семейная гордость за него.

...Жил такой кузнец Петрович, Мастер в своей профессии,

Человек с очарованной душой, романтик и философ, с обострённой совестью и редчайшей добротой сердца. Это наш отец.

Я хочу закончить своё повествование о Петровиче описанием нашей с братом Александром последней поездки на родину 23 мая 2010 года и назову это заключение по-астафьевски –

Последний поклон

23 мая 2010 года я и мой брат Александр приехали из Москвы на родную стародубскую землю, чтобы поклониться могилам наших неизмеримо любимых родителей.

Утро было радостным – солнечным, тёплым, со щебетом птиц в густой листве распутившихся деревьев. Выйдя из автобуса, мы пошли вдоль края Днепровской роши и, того не замечая, вышли к Измайловке, уйдя в противоположную сторону от нашего села Пятовск. Мой говорливый братец развлекал меня своими познаниями в теории стихосложения, затем собрал букет луговых малиновых «смолянок» и таким образом, дав «кругаля», мы вышли на шоссеиную дорогу.

Через полтора часа мы уже стояли у ограды могил родителей. Над ними навис плотный шатёр из ветвей липы, рябины и берёз. Зелень их листвы майская – нежная и яркая. В лучах выплывшего солнца она кажется ажурной, нарядной.

Мы молча стоим у ограды и любуемся новым памятником Петровичу, который к юбилею Победы военкомат поставил ему как участнику войны, – памятник вполне приличный: из серого цельного камня, под мрамор с разводами, с таким же надгробием и трогательной надписью – «помним, любим...».

Мы долго ещё стоим в кладбищенской тишине, и лишь взлетевшая звонкая трель пичужки заставляет нас очнуться и приступить к главному – очистить холмики могил от веточек и сорняков, подрыхлить земельку у цветов...

Шурик пошёл к речке, чтобы вымыть от пыли уже стоявшие здесь яркие искусственные цветы, а я стала ножом рыхлить землю и выбирать корешки сорняков...

Когда всё было сделано, мы сфотографировались у памятников родителей, помянули их и прошлись по кладбищу, посетив могилы Варвары Павловны, соседей Стецких, Фёдора Васильевича Лякуна, Марии Николаевны и многих других.

И я думала: «Как же коротка жизнь человека... я знала всех этих людей, они жили, работали, растили детей, радовались, печалились... и теперь их нет... Кажется, это было совсем недавно, а уже более тридцати лет, как покинула нас наша мамочка, и семнадцать лет, как нет отца... Не хочется верить, что и нам не так много времени осталось ходить по этой земле и наслаждаться бушующей весной и призывным пением птиц... Думы... думы...

...Идём в село мимо строящейся церкви.

...Вот и она – восемнадцать уложенных венцов из прекрасных ровных брёвен. Эту работу бескорыстно выполнил со своими подручными патриот села и Веры Христовой Пётр Лякун – наш сосед, один из главных казаков Стародубского района. Спонсируют стройку, как мы узнали, местные ребята из бизнеса, теперь живущие в Питере, – Саша Цыбульский и сыновья Степана Рыка и Якова Попрыго. В этом году, по словам соседей, храм намерены подвести под крышу.

...Далее идём по нашей улице...

Какое запустение! Считаю: в одиннадцати из двадцати хат никто не живёт, хозяева умерли, а дети их уехали искать другую долю... Высокие кусты, жирные лопухи в рост человека, провалившиеся крыши, повалившиеся заборы... И наша хатынка никому не нужна, всё, что можно было унести из неё, разломали и вынесли, залезай в окно, бери оставшееся барахло... Исчезли люди – и нет горластых петухов с породистыми курочками, нет купающихся в лужах кричающих уток...

на улице сплошной мурог – некому его выщипывать...

Только и остались на улице Митя Вычик, Стецкий Саша, наша подруга Анна Лякун с сыном и мужем да Тамара Крофто с поселившейся напротив неё дочерью Людмилой.

Немного задержался на этом белом свете Авхимка – ему 93 года, согнулся до земли... А всего «живых» шесть домов.

Заходим к Анне – и первая неудача: Анна уже месяц лежит в Брянской больнице, дома хозяйничают сын Мишка и её непутёвый муж, не просыхающий от самогонки...

Мы угостили хозяев дома городской едой. Я попросилась переночевать у Тамары, а Шурик остался у Лякунов.

Тамара поведала мне сельские новости, рассказала о своей горемычной судьбе: раннем сиротстве, голодном детстве, неудачном замужестве, труднейшей работе на коровнике в течение всей жизни... и как растила четверых детей и троих внуков от сбежавшей дочки, и как пристрастилась гнать самогонку, чтобы её продавать местным алкашам и на вырученные копейки помогать детям и внукам определиться в жизни и не повторить её судьбу...

Я слушала и думала: «горя реченьку бездонную» вынесла эта женщина, научилась побеждать невзгоды, обрела житейскую мудрость и теперь доживает в просторной избе с коврами и белоснежным постельным бельём...

Утром мы уехали из Пятовска, отдавая последний поклон родной земле. Я думала, что я прощаюсь с нею навсегда, и облако печали окутало мою душу...

Прощай, родное село! Прощайте, родные могилы! Прощайте, тропинки, по которым ходили наши родители, прощайте, улицы и луга, над которыми гуляла моя песня!

Прощайте, незабвенные Петрович и Моисеевна!

Низкий вам поклон! Последний поклон!

Примечания Александра Шерстюка

* (с. 18). Молотобойцы у Петровича за его долгую трудовую жизнь не раз менялись. До войны в Пятовске с ним ковал красавец-богатырь Кузьма Новиков (потом пал на фронте), из послевоенных вспоминаются «потомственный казак» (так он себя называл) Малахевич (Вярькей), Жорж Зубрицкий, Андрей Ревка, Гурин, Митя Вычик...

** (с. 22). Эти армейские 9-месячные курсы по ковке лошадей – второе «незаконченное высшее» образование Петровича. О том, как красиво – ловко, хватко, весело, с удалью Петрович ковал лошадей, восхищённо говорил на поминках наш сосед Саня Стецкий (Надточей, Невский), природный оратор.

*** (с. 68). Орехович (Иван Арефьевич) – крёстный мой и моих братьев, в моих стихах – «скакун одноногий» (ногу потерял на войне). Жил на пос. Зелёный Гай, рядом с железной дорогой.

О военных трофеях пели и очевидец Высоцкий: «Пришла страна Лимония – сплошная Чемодания», и участник войны Твардовский в «Василии Тёркине»:

...По дороге на Берлин
Вьётся серый пух перин...

В путь-дорогу чайник с кружкой	– Ни к чему. Куда, родные?
Да ведёрко про запас,	А ребята – нужды нет –
Да перинку, да подушку,	Волокут часы стенные
Немцу в тягость, нам как раз...	И ведут велосипед.

Насчёт чайника с кружкой, ведёрка, перинки да подушки можно спросить: почему это они «немцу в тягость»? В велосипеде можно усомниться, неудобен он для дальних, с пересадками, перевозок (ну, не имели рядовые солдаты тех возможностей, что у маршала Жукова, который вагонами гнал немецкие трофеи на свою дачу), а вот насчёт *часов стенных* поэт точен, будто видел их именно у нашего отца. Но и их Петрович взял в имении сбежавшего барона, таща не волоком («волокут»), а оставив громоздкий футляр, хоть и был он резной, чудесный, – положил механизм в котелок, а маятник с латунным барельефом тевтонского златокудрого бога (вражеский бог, взятый в плен русским солдатом!) завернул в тряпицу отдельно... Сам состолярничал простенький футляр, покрасил синей масляной краской, а позже я, уже студент, дорисовал орнамент из цветов. Шли часы много лет (это о них я писал: «И слышно, как часы идут», см. с. 110), украшая баронским видом и звоном своим нищую нашу избу, и сейчас, уже неисправные, обе пружины лопнули, хранятся у меня, стали основой инсталляции, посвящённой памяти отца. Теперь они, увы, не идут – но по-прежнему идёт неумолимое время, отдельно от них.

**** (с. 80). Девичья фамилия Екатерины Прокоповны была Михалдыко, родом она из Лыщич – соседнего с Брян-Кустичами села. Фамилия Михалдыко вошла в историю – в 1918 г. лыщичский крестьянин-матрос Фёдор Михалдыко, во главе 60 земляков с конями, ушёл на Унечу к Щорсу, в формировавшийся Богунский полк, был комиссаром. Ушли к Щорсу бить немцев также 40 кустичских мужиков, а ещё найтоповичских, среди них – несколько Шерстюков.

ВСПОМИНАЕТ АНАСТАСИЯ, старшая дочь

...Мне нет семи. Сегодня папа едет в город. Он обещает взять с собой и меня в эту невиданную страну. Я смотрю на папу с обожанием и мольбой.

И вот мы въезжаем в город. Я вижу домики, непохожие на наши деревенские избы.

– Папа, какие тут красивые дома!

– Да разве они красивые? Низкие и окна маловаты. Дом должен быть высоким, потолки в доме – тоже высокими, а окна большими.

Я прислушиваюсь, запоминаю.

...Подъезжаем к ряду лавочек. Папа рассказывает мне, что эти лавочки ранее принадлежали купцам.

– Когда я, – говорит он, – зарабатывал деньги, я мог купить в этих лавочках сахар, материну, колбасу и рыбу. Ох, и добрая была там рыба! Особенно колодка. Замечательная! А теперь вот нет ни денег, и в лавках пусто.

Папа берёт меня за руку и ведёт на толчок. Он тут же «влюбляется» в чашки, которые продаёт женщина. На них, помню, были маленькие красивые розочки. Папа торгуется с «мещанкой» и покупает две чашки с блюдцами. Покупает он и сахар, большие бесформенные куски с синеватым оттенком. И всё – с рук.

Он видит на «руках» альбом «Военно-Грузинская дорога». Папа листает альбом и обращает моё внимание на горы, ущелья и крутую извилистую дорогу среди них. Ему нравится альбом, и он его покупает.

Папа приехал за какой-то железкой для кузницы, но не находит её и расстраивается. Но тут подходит к нам знакомый папе горожанин и обещает достать папе этот предмет.

Покупает папа и конфеты для нас – мятный горошек.

Едем домой. Я смотрю по сторонам вдоль улицы и вижу какие-то мостики вдоль домов. Папа объясняет мне:

– Это тротуары, Настечка. Они спасают от грязи. А вот та улица, видишь, вымощена булыжником. Твой прадед Пётр был мастером шоссейных дорог, так это он с рабочими укладывал её.

Я с жадностью и интересом впитываю папин рассказ.

– Какой город красивый! – восхищаюсь я.

– Да разве это город! Я видел большие города. Вот это – красота! Дома высокие, а в Москве – музеи, зоопарк, цирк, театры. Улицы чистые, и по ним ходят трамваи. Большой и интересный город Москва!

Поездка в город приоткрыла мне дверь в новый, незнакомый мир. Я счастлива и уже в мечтах вижу большой город с его чудесами.

Всю жизнь я страдала оттого, что в домах, в которых приходилось жить, потолки были низкие и окна не те. Теперь вот богатые строят дома просторные, светлые с высокими потолками. У моего сына Саши дом старый, но потолки – чудо! Высокие! Вот мне бы его комнаты! Да молодость и здоровье!

Папа своими речами и поступками учил меня отличать красивое от безвкусицы. Как же тяжело переживал он своё рабство, обесценившее его золотые руки.

– Да разве это дом! – с горечью говорил он о своём домике на Гришевке. Добавить бы вверх хотя бы венца два-три, увеличить площадь его метра на 3–4 в длину и ширину. Вот была бы комната! Да цветы в кадке! А то приезжают наши дети, а мы и принять их не можем по-человечески. Разве это дом?! – вздыхает он. – Нет жизни... нет!

Вечер... На пороге мой кумир, папочка, с усталым чужим лицом, замученным и непривычно чёрным. От него пахнет тяжёлой специфической гарью.

Мама складывает на груди руки:

– Опять завезли подмосковный уголь?

– Да вот завезли... Пыль... Горит очень плохо, вонь... дышать нечем. Мучение одно, а не работа.

– А много завезли?

– Много, – устало говорит папа.

– Ну, раз так горит, какая уж тут работа, откажись!

– А где они возьмут другой уголь? Буду ждать.

Несколько недель в доме стоит едкий, неприятный запах и уныние. Ждут антрацит – донбасский уголь. Ждут...

... Без стука в дверь входит женщина и с порога здоровается.

– Петрович, сделали мой заказ?

– А как же, всё готово.

И папа отдаёт женщине отточенные до блеска нож, цапку и топор.

– Бери, Ньюра! Всё острое, как бритва.

– Спасибо, Петрович. Сколько вам за работу?

- Папа минуту мучительно думает, опустив голову.
- Ничего не нужно. Не нужно...
- Ну, спасибо, Петрович. Спасибо.

Уходит.

...И ещё. Папа отдаёт Насте Л. нож из нержавейки с выточенной им же деревянной колодочкой.

– Вот тебе нож, Ивановна! Добрый нож. Острый и ржаветь не будет.

– Спасибо, Петрович. Говорите, сколько я вам должна?

– Что ты, Ивановна! Зимой ты мне приносила такой дар!

– Да то ж я вас угощала свежатиной, Петрович. Вы же мне никогда ни в чём не отказывали.

– Ладно... ладно, Ивановна... Бери. Ничего не нужно.

– Ну, спасибо, большое спасибо, Петрович.

Вижу, мама волнуется, прячет боль и возмущение, терпит.

А когда заказчики (а их было много на протяжении жизни, и всё отдавалось отцом за «спасибо» или банку молока) уходили, мама с горечью «читала» нотации:

– Боже мой, боже мой! Бьёшь ты свои рученьки за «спасибо». Да кто же живёт так, как ты? Не ценишь ты ни свой труд, ни себя. Не можешь сказать цену – давай я буду говорить.

Папа нервно подсакивает:

– Вот этого делать не нужно. Не нужно, ни в коем случае. Поняла? – коротко и чётко заявляет папа и выходит из дому.

Мне становится тоже больно. Папа, папа, золотой человек...

...Сегодня папа возбуждён и раздражён. Он плохо ест за ужином, молчит и всё курит и курит.

– Что у тебя случилось, расскажи, – просит мама.

– Да, понимаешь, пришли эти гады в кузницу – Хомутов, Яло (прозвище), Козёл (прозвище, Хомутов – председатель колхоза, Яло – бригадир, со сволочной репутацией, Козёл – колхозный бухгалтер, его проклинали всё село, он систематически повышает нормы при начислении колхозникам трудодней). Сволочи, собаки бессовестные, – уже на крик переходит папа. – Они же ничего не понимают в кузнечных работах. Принесли новые расценки на мои работы. Самые тяжёлые и сложные обесценили, гады! Я им хотел объяснить, доказать, сколько эти работы требуют времени и труда и сколько они стоят, но они, паразиты бессовестные, и слушать не стали. А эта сволочь, Козёл, он ещё и пропустил отдельные работы в моём отчёте, гад!

Всю неделю ходит папа, ходит грустный, подавленный, а доказать сволочам не может, не может защитить себя.

Они – властелины колхоза, и нет на них управы. «Народ безмолвствует».

...Довоенное время. Лето. Ночь. Просыпаюсь от тяжёлых стонов. Это папа не спит, болезнь по ночам его мучает. И чтобы не разбудить детей, он уходит в кухню и там мучается. «Боже мой, Боже мой», – отчаянно повторяет он и стонет, стонет.

У папы – гастрит с очень высокой кислотностью (20). Каждая ночь проходит в жестоких болях. А завтра – тяжёлая работа в кузнице.

Мне очень жаль папочку, я долго не сплю...

Я часто слышу, что ему нужна диета и лечение. Да где их было взять в той рабской жизни?

...Через годы... Прихожу к родителям. Папа страдает. Вы-

сокая кислотность привела к язве двенадцатиперстной кишки.

Сегодня он съел крошечный огурчик с грядки. И вот жуткие боли.

– Мама, ну зачем ты позволила съесть огурец?

– Ну, не утерпел он, он же живой человек...

А папа хватается за сердце...

– Папа, у тебя сердце болит? – спрашиваю.

– Да нет. Это от язвы боли идут к сердцу.

Язву долго и упорно лечим.

Шурик в Москве доставал «Викалин». Мама привезла настойку на столетнике, мёде и травах. Она заваривала травы и кормила лёгкими супами, гречневой кашей и пюре из картошки. Покупали мёд, и папа долго и постоянно его принимал. Рана зарубцевалась. Вылечили папочку...

...8 ноября. Престольный праздник св. Димитрия. Съезжаются гости. Застолье. Говорят о жизни, здоровье, детях и т.п. Поют старинные песни.

Мой папа направляет хор, не давая песне превратиться в «тянучку», в которой подчас и слов-то не понять. И хор идёт за его голосом в нужном темпе.

Поют слаженно и то задумчиво, печально («Ой, умру, умру я. Похоронят меня. И никто не узнает, где могила моя...»), то весело и задорно («А вчера с извечера краше тебя полюбил... Руса коса до пояса, в косе лента голуба»). Поют и популярную послереволюционную «Кирпичики» («И за ту любовь, за кирпичики полюбила я этот завод»).

Мягкий сильный тенор папы и подголосок мамы украшают песню, а гости из Кустич и Унечи дружно вторят.

Весело, шумно за столом. Сегодня гостей – покинули их беды и невзгоды...

...Гости разъезжаются...

Папа не пьян, он никогда не напивается. Он – «навеселе» и только.

Полулёжа на кровати, кладёт он ноги на табуретку и поёт современные песни. Где он слышал и когда? Не знаю. Только поёт он (как я позже узнала из нот) правильно и красиво.

Помню одну из его песен «Замучен тяжёлой неволей». Папа поёт её тихо и с печалью в голосе. А на словах «Мы сами, родимый, закрыли орлиные очи твои» папа волнуется, голос его дрожит, а на глазах – слёзы.

...Папа наш необыкновенно интересный человек. Он выписывает газету (редкое явление в деревне), прислушивается ко всему новому, происходящему в мире, покупает с рук посуду, книги. Из Польши привозит он ценные книги по медицине.

Но мы, глупая ребятня, разрывали их. Папа с огорчением и с укоризной бросает: «Эх, и эти книги уничтожили».

А наказать нас не может. Папочка – золотое сердце.

...Конец августа 1992 года. Гости разъехались...

Сидим с папой во дворе и говорим о его дальнейшей жизни. Папе – 90. Но голова, как в прежние годы, светлая, память – дай Бог каждому, хорошая. Но силы его на исходе: одышка, усталость, беспокоят прогрессирующие боли в почках, о которых он говорит неохотно:

– Побаливает вот тут, – и он указывает чуть выше поясицы.

– Папа, будешь жить у нас в Стародубе. Заберём.

– Аже если не помешаю...

– Не помешаешь.

– Да вот скоро приедет Валик, обещает пожить месяц. В ноябре – Вова. А там и зимние каникулы у Маши. Приедет. А потом и решусь к вам.

Валерий замечательный и трудолюбивый. В доме папы чисто, готовит он и еду хорошо. Уезжает...

Небольшой перерыв... Папа живёт один, но я часто езжу к нему и везу всё, что можно было купить в военторге (нам, работавшим в колонии, в школе, выдавали паёк: мясо, колбасу, масло). Делюсь с папой. Он не голоден. Сосед Иван Лякун помогает папе по хозяйству и кухне.

Приезжает Володя с женой. Жена – хорошая хозяйка: в доме чисто, тепло, папа накормлен.

Я готовлюсь к серьёзному разговору с папой о его переезде к нам. Но судьба распорядилась по-своему: у Васи инсульт, три недели он лежит в больнице, и я должна к нему ходить каждый день – болезнь смертельно опасная.

Папа живёт несколько дней один. Нахожу время и еду к нему. Он очень слаб, но понимает, что пришло его время... уходить...

Он уже еле двигается, ложится в постель и просит хорошенько его укрыть, хотя в доме тепло.

«Хотя бы никто не пришёл. Не могу я говорить... Трудно мне очень...».

Маша берёт в школе отпуск в счёт летнего и приезжает сразу после моего звонка.

Папа просит досмотреть его, не покидать. И сестра моя не покидает и принимает его кончину...

Папочка наш, лучший на свете человек и отец.

Александр Шерстюк

ЗОЛОТАЯ СВАДЬБА

Поэма благодаренья

Настал торжественный момент,
где слиток слов есть тот же орден.
«Да здравствуют отец и мать», –
звеним мы золотым аккордом.

Да здравствуете оба вы,
вам здравствовать ещё бы много,
да стали зимы холодны,
да стали медленнее ноги.

А начиналось – через край,
лилось рекой, само, несметно,
лилось и било об пол грань.
И лихо впало в лихолетье.

Когда кричали «горько» вам
в застолье людном, блюдном, пьяном,
не думали там о словах,
обряд – он должен быть стаканным.

Не знали там, как верен крик
угробно властный, сладострастный,
и из каких составлен игл
тот штамп татуировки счастьем.

Как 33-й, чтоб спасти,
начнёт для вас отсчёт мотаний.
Как меток будет чуть спустя
прицел свинцовых попаданий.

Как жадно будут восемь ртов
глотать навар кокор с крапивой.
И недоимок как зато
отмена будет справедливой.

И сколько ношек – всё серпом –
нажать, принести для той, мычащей,
что всех спасала молочком
сырым, горячим, как кипящим.

Да, это точно – среди всех
тех ношек не было амбарных
или скирдовых, или тех,
что носят длинные карманы.

И в передрягах вы спасли
бессребренность – святое знамя...
И вот из множества спасибо
какое выразить, не знаю.

Спасибо вам за мою шерсть
фамильную, ей знаем цену.
За вопреки ей радость лезть
на печки тёплую чарену¹.

Когда, подушку обласкав,
я сладко спал, спал, как убитый,
при каганце² шёл труд облав
на бденье мелких паразитов.

Спасибо позднее моё
за детства век недолговечный,
не обеспеченный ремнём,
один единственно беспечный.

За привилегию тайком
расти неслышно, будто травы.
За замечательное право
пастьись по росам босиком.

За то, что отнятый отцом
«у зайца» рафинад был чудом,
хоть замусоленный, с овсом
и в табачинках сорта гундий.

За двухголосье «гаем-гай»,
где удаль – в выдохе с печалью.
За то, что душу в них влагать
вы не у моды позычали³.

А может, у таких же баб,
чьи гуканья⁴ теперь в почёте,
чей втиснут вековечный скарб
в диск на Апрелевском заводе.

У девок тех, что закликать
весняночку себе умели
и молодо сидели, как
русалки на гряной⁵ неделе.

У Клим Шмата, что как есть
пел лазаря и пел «Достойно»,
и «Воскресение, – пел, – днесь»
за шмата вещество ржаное.

Он хрестарадничал. Ему –
Христа уже и помня вряд ли –
совали что-нибудь в суму,
пожалуй, больше сердца ради.

Он шёл с туманом на зрачках,
с базищем шёл неразведённым,
не помещавшимся в церквах,
шёл с лирой, плакальщицей томной.

Теперь ей выпало стоять
в консерватории, музейно.
И зрячие на ней рыдать
не смеют, да и не умеют.

И думаю я: что тебе,
столица, в этих звуках пленных?
«Днесь» уже нет, а есть – «теперь».
Теперь поют не те куплеты!..

Но каждый звук ваш – внук времён
тех, где Софония, Митуса⁶ ль,
нелепо ли, но плакал он,
земля мой, – о «Земле Руской»!

Спасибо вам, что я застал
его последний звон приветный.
Я верю всё ж, что красота
его останется бессмертной.

И тонок пусть культурный слой –
магнитный слой кассетной ленты, –
как на заслуженный покой
в него уйдя, не канет в Лету.

Вот только знаю ещё то,
что красоте воспроизвестся
тем проще всё ж, чем больший ток
записан на кассете сердца...

Спасибо вам ещё моё,
что знаю запах, помню радость
вносить в людей житьё-бытьё
телка родившуюся слабость.

Что натуральность всю пути
от конопшины до рубахи
я видеть мог, мог поднести
замашки⁷ маме-тонкопряхе,

шершава чья была рука,
мороз стирающая с кожи...
За мягкотелость языка
из глаз вытаскивать порошья.

За то, что всех наследств ценней
и сундуков прочней приданных
вы кость наследовали мне,
опорную мою крестьянкость.

И шарик мой, каким качу,
трамбуя грунт исповедальный,
обрёл брюшка величину
меж молотом и наковальней.

Ну а добро – не в коробах
и не в пуховых малакучах,
добро копили вы в горбах,
не счесть его, не иссундучить.

Вам смысл добра от А до Я
был явлен с детства, несомненно, –
на тесность бедствий отвечать
души широким преломленьем.

Нам жить всегда бы потесней,
как пальцев общество простое,
да разлучились по стране
пятиконечною звездой.

Поразлетелись кто куда,
кустарность предпочтя артели,
рассажены по городам
кусты Брян-Кустич⁸, все отдельно.

Но родины великий зов
нас посещает в час беззвучный,
являясь вдруг в обитель снов,
в их тайный промысел тягучий.

И проявляясь, не секрет,
в везенья час, в час пешедраля,
когда не нужен уж билет
ни мне, ни фибрам чемодана.

Когда доеду я сойти
на стёжку в липах густокронных,
где столько гнёздной лепоты
и всё обкаркали вороны.

Где как-то я два брутто нёс
и шла крестьянка пожилая –
«Помочь?» – потряс меня вопрос,
он был без фокусов, я знаю.

Затем локаторы ушей
наполнить заповедной рощей,
вниз-вверх, вниз-вверх – и вот уже
похлопать дом по рёбрам тощим.

Качнуть крыльца скрипучий строй,
не обойти порог вниманьем –
и плеч былых обнять сухой
остаток немонументальный.

Поставить за столом на вид
пример, собою однозначный:
жизнь из ошибок состоит,
но всё-таки не неудачна.

Дырява пусть была она,
вы все нули позалатали,
пусть из соломы купола
и только свадьба золотая, –

в ней перепало кой-что нам...
Так хлобыстнём же позолотцы,
пусть золотой налив вина
по веткам нашим разольётся.

За вас, прекрасные мои,
кузнец и жница, серп и молот,
чтоб не в последний раз могли,
как говорится, дай Бог снова.

За естество таких минут,
пока блаженство есть встречаться,
прошу вас сил найти на труд
обоим здравствовать всечасно.

Примечания автора

- ¹ *Чарена* – плоский верх русской печи.
- ² *Каганец* – самодельная керосиновая лампа с фитилём, скрученным обычно из ваты.
- ³ *Позычали* – брали в долг.
- ⁴ *Гукальные песни* («гукать» – звать), или веснянки, которыми закликали весну прийти поскорее, являются частью сезонных славянских песнопений, восходящих к языческим временам.
- ⁵ *Гряная, или русальская, неделя* – седьмая неделя после Пасхи, накануне Троицы, зелёные святки.
- ⁶ *Софония, Митуса* – предполагаемые, по разным версиям, авторы «Слова о полку Игореве».
- ⁷ *Замашки* – конопля мужская (бессеменная), волокно которой шло на изготовление полотна.
- ⁸ *Брян-Кустичи, или Кустичи Бряновы* – село на Брянщине, прародина автора. Колёсная лира слепого брян-кустичского нищего певца – по-местному, старца – Клима Шматова, на которой он исполнял духовные песни, хранится в Московской государственной консерватории.

1976

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Предисловие</i>	3
Село Брян-Кустичи	5
Прадед Пётр	6
Наш дед Пётр Петрович	7
Павел	11
Двадцатые годы	13
НЭП. Первая женитьба папы	17
Петрович женится	19
На кадровой службе	21
Любовь и разлука	24
<i>История первая</i>	25
<i>История вторая</i>	27
Беляковы. Папа женится на Алёне	28
Коллективизация и нищета	32
Переезд в Пятовск	35
Жизнь в Пятовске	37
Жизнь в Выстрикове	38
И опять на службе	40
Война. В Пятовск пришли немцы	44
Петрович уходит на войну.....	50
Дороги войны	52
<i>История первая. Меня спас клочок сена</i>	55
<i>История вторая. Тиф</i>	56
<i>История третья. Четыре километра по-пластунски</i>	57
<i>История четвёртая. Спирт</i>	59
<i>История пятая. Белый хлеб</i>	60
<i>История последняя. По дорогам Польши и Германии</i>	61
«Треугольнички» Петровича	63
Петрович вернулся домой	67
Жизнь в Рассухе	71
И опять Пятовск	73
Путешественник	74
Семь лет без мамы. Болезнь	77
И ещё семь лет жизни. С Прокоповной	79
Юбилей	81
Последние 26 дней	83
Перечитывая письма Петровича	85
Последний поклон	87
<i>Примечания Александра Шерстюка</i>	90
Вспоминает Анастасия, старшая дочь	91
Александр Шерстюк. Золотая свадьба. Поэма благодаренья	99

Мария Шерстюк. Петрович. *Очарованный жизнью.* Сказ
об отце. М.: Знание, 2011. 118 с.

Редакция и макет:
Александр Александрович Шерстюк

Подписано в печать 21.01.2011.
Формат 60x90/16.
Печ. л. 9.

Отпечатано в ООО «ИПЦ Маска»
Москва, Научный проезд, 20.
Тел. (495) 5103298
www.maska.su, info@maska.su